

84Р6
Г 38

РИЙ ГЕРМАН
ЕМЕН ФАРФЕЛЬ

**ЭТИХ ДНЕЙ
НЕ СМОЛКНЕТ
СЛАВА!**

Де тиз ~ 1957

ЮРИЙ ГЕРМАН · СЕМЕН ФАРФЕЛЬ

ЭТИХ ДНЕЙ

НЕ СМОЛКНЕТ

СЛАВА!

Г38

ЮРИЙ ГЕРМАН · СЕМЕН ФАРФЕЛЬ

112533

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА!

РАССКАЗЫ ИЗ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Детская Центральная Библиотека
в Свердловске

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград - 1957

Иллюстрации
Ю. Непринцева, Н. Лямина,
С. Спицына

Суперобложка
и форзац
Н. Лямина

Переплет, титул
и заставки
С. Барабошина

ПРИЕХАЛ ЛЕНИН

В Ленинграде недалеко от Невы, на Петроградской стороне, стоит невысокий каменный дом со стенами, выложенными светлыми плитками. Дом этот знаменитый. Весной 1917 года в нем помещался штаб партии большевиков — Центральный Комитет.

С утра до поздней ночи толпился в доме народ. Приходили рабочие с заводов, солдаты и матросы, приезжали бедняки — крестьяне из деревень. Они рассказывали о своих делах, спрашивали, что им делать, как поступать.

Не раз уже бывал в доме на Петроградской стороне и Коля Потапов — совсем молодой рабочий паренек. Он распространял на заводах газету «Правда», выполнял поручения большевистской партии. Коля привык к тому, что в доме со стенами из белых плиток всегда оживленно. Но все-таки, когда он пришел сюда утром 16 апреля, он сразу почувствовал, что сегодня оживление какое-то необычное.

— Вечером в Петроград приедет Ленин, — сказали

ему. — Надо оповестить об этом рабочих. Твоя задача — рассказать трем товарищам. Они передадут дальше.

Коля Потапов побежал с Петроградской стороны на заводы. Он оповестил не трех товарищей, а больше десятка. Радостную весть рабочие передавали друг другу. Прошло несколько часов, и весь рабочий Петроград уже знал о предстоящем приезде Владимира Ильича. На заводах и в казармах революционных полков люди волновались и ликовали, готовясь к встрече вождя трудящихся, родного Ильича.

— Помогай, Коля, — сказали Потапову старшие товарищи на заводе. — Надо знамя сделать.

Широкое красное полотнище прикрепили к двум палкам, а по кумачу написали крупными буквами: «Привет Ленину».

— С этим знаменем пойдем встречать Владимира Ильича, — решили рабочие.

— И я понесу это знамя, — попросил Коля Потапов.

А Владимир Ильич Ленин ехал в это время в поезде, приближаясь к Петрограду. Он тоже очень волновался в ожидании скорой встречи с рабочими.

Почти десять лет пришлось ему прожить вдали от России. Он расстался с родной страной в конце 1907 года. Царские власти хотели во что бы то ни стало расправиться с вождем революции. Своры полицейских шпикиов рыскали по следам Ильича. Встречаться с товарищами по делу, руководить партийной работой становилось невозможно. Тогда большевистский центр вынес решение — Ленину уехать за границу, чтобы руководить работой партии оттуда.

Ленин уезжал через Финляндию. Он должен был сесть на шведский пароход, но царские ищейки сторожили в портах. Ночью Владимир Ильич отправился по льду на один из финских островов. Лед был еще тонкий,

он трещал. В одном месте лед стал совсем уходить из-под ног. «Эх, как глупо приходится погибать!» — подумал Ленин. Но он был физически крепким человеком, а спокойствие в минуту опасности не покидало его никогда. Ленину удалось выбраться на более надежное место. Он дошел до острова и сел на пароход, обманув охотившихся за ним жандармов.

Весть о февральской революции застала Владимира Ильича далеко — в Швейцарии. Шла мировая война. В ней участвовали почти все европейские страны, Америка и азиатские государства. Европа была перерезана фронтами. Россия, Англия, Франция были в одном лагере, Германия, Австрия, Италия — в другом. Ленину очень трудно было попасть из Швейцарии в Россию, но он рвался на родину.

Он знал, — рабочие и солдаты сбросили царя. Вслед за царем надо сбросить помещиков, капиталистов, чтобы народ сам стал хозяином своей страны. Предстоят грозные революционные бури. И Ленин рвался в Россию, чтобы непосредственно руководить революционной борьбой пролетариата. Он не спал ночей, ни минуты не знал покоя. Все новые и новые планы рождались в голове Ильича. Наконец путь в Россию был найден. Не думая о том, какие опасности ожидают его, Ленин сразу же отправился в дорогу. Вот, наконец, позади и шведская граница. Поезд идет через Финляндию, которая входила тогда в российское государство. Ленин сидит в вагоне, окруженный русскими солдатами и матросами, жадно расспрашивает их, объясняет, как надо бороться — за мир, за свободу. И ждет встречи с рабочими Петрограда.

Но первая встреча с товарищами произошла еще до Петрограда, на станции Белоостров. Туда приехали встречать Ленина делегаты большевиков, пришли пеш-

ком из расположенного неподалеку города Сестрорецка рабочие, чтобы повидать любимого вождя.

Едва Ленин вышел на платформу станции Белоостров, к нему с радостными возгласами бросились сотни людей. Десятки рук подхватили его и понесли.

Ленин был очень взволнован. Он крепко жал руки, обнимал и целовал друзей, с которыми не виделся почти десять лет. Но надо было ехать дальше.

Уже наступила ночь, а в Петрограде тысячи и тысячи рабочих, солдат и матросов стояли у Финляндского вокзала, ожидая Ильича. Они заполнили привокзальную площадь и прилегающие к ней улицы, так что все движение остановилось.

Коля Потапов вместе с другими рабочими своего завода все-таки пробился почти к самому выходу с вокзала. Они высоко держали знамя, на котором были написаны слова приветия Ленину, а кругом было видно еще много красных знамен.

Удивительно выглядела эта площадь ночью, вся заполненная народом. Над головами людей скрещивались ослепительные лучи прожекторов и колыхались на ветру красные огни факелов. Из края в край площади перекатывался запев революционных песен:

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...»

И вдруг площадь притихла, замолкла. Лучи прожекторов уперлись в двери вокзала, и в свете ярких лучей Коля Потапов увидел невысокого человека в черном расстегнутом пальто. Человек остановился на секунду, глядя ясным взглядом в тысячеголовую толпу; и вся эта толпа точно взорвалась могучими приветственными кликами:

— Ленину ура!

— Да здравствует Ленин!

«Так вот он какой, Ильич», — думал Коля Потапов, чувствуя прилив удивительного подъема и счастья.

А Ленина уже подхватили крепкие руки и несли к центру площади, где стоял бронированный автомобиль. Солдаты подняли Ильича над головами, и он оказался на башне броневика.

Теперь все видели Ленина и он видел всех. Он переступил с ноги на ногу, точно пробуя, насколько прочна его необыкновенная трибуна, отвел полу расстегнутого пальто с засунутой в карман кепкой, вытянул вперед руку и заговорил. . .

— Да здравствует социалистическая революция! — сказал Ленин, заканчивая свою речь. Коля Потапов услышал в этих словах великий призыв, проникающий глубоко в сердце. И также слышали этот призыв тысячи и тысячи людей. Первые же слова Ленина объяснили им то, над чем думал каждый: что делать дальше, куда идти и за что бороться.

НА ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Осенью Коля Потапов оказался в Кронштадте. Его отец — старый корабельщик — давно уже работал в морской крепости, а тут и Коле предложили поехать на несколько месяцев в Кронштадт ремонтировать боевые корабли. Он тоже был судостроителем.

Коля жалел, что приходится уезжать из революционного Питера. Но ведь не за тридевять земель. Крепость на острове всегда была прочно связана со столицей. Недаром ее и в наше время называют замком на морских воротах Ленинграда. К тому же в ту пору было очень интересно и в Кронштадте. Каждый день сотни матросов и рабочих приходили в залы Морского собрания. Раньше их к этому дому и не подпустили бы. Морское собрание предназначалось только для царских офицеров, но теперь в нем помещался Кронштадтский совет рабочих и матросских депутатов. Он был хозяином, и дом Морского собрания стал называться Домом Совета.

В Морском собрании, на заводе, на кораблях, на улицах города-крепости все время происходили митинги.

Спорили, кричали до хрипоты. Другой раз ораторы даже хватали друг друга за грудки. Споры были нешуточные — о судьбе страны. Как кончить проклятую войну, которая нужна одним буржуям? Как поступить с землей, которую помещики не отдают крестьянам? Как быть с фабриками и заводами?

Мнения высказывались самые разные, но Коля видел: лучше всех слушают его старых друзей — большевиков. Матросы и рабочие понимали, что одни большевики указывают им правильный путь.

Когда же выступали сторонники буржуазного Временного правительства — кронштадтские или присланные из Петрограда, — их не хотели слушать, гнали прочь.

Коля Потапов был маленького роста, на митингах он старался залезть куда-нибудь повыше — на скамейку, на лестницу или на забор, чтобы все видеть. Но голос у него был звонкий, и он кричал во всю мочь:

— Долой министров-капиталистов! Бросай буржуев в воду!

Или свистел, заложив в рот пальцы, так что у самого начинали уши болеть.

Один раз на митинге выступал приехавший из Петрограда представитель Временного правительства — длинный и тощий человек в зеленом френче с большими оттопыривавшимися карманами и в высоких желтых щегольских ботинках до колен. Коля так свистел, что даже свалился с забора.

— Свистишь ты правильно, — сказал с добродушной усмешкой пожилой матрос. — А вот держаться крепче надо. Нам ведь не только свистеть, но и драться с ними придется.

— И что же, всыпем по первое число, — не задумываясь ответил Коля.

Так он познакомился с Петром Васильевичем Сергуниным, а потом подружился с ним, хотя Петр Васильевич был его старше почти в три раза. Петр Васильевич состоял в партии большевиков, которой еще в Питере помогал Коля.

Благодаря дружбе с Петром Васильевичем Коля и попал ранним утром 25 октября¹ на минный заградитель «Амур», принявший на борт свободный боевой отряд кронштадтцев. В великий день вернулся он в родной Петроград.

Ночь перед этим Коля совсем не спал, но в ту ночь, кажется, никто не ложился в Кронштадте. Совет готовил эскадру для похода в Питер. Корабли и форты выделяли самых надежных людей. Партия большевиков звала моряков к бою, чтобы завоевать власть для народа.

Коля встретился с Петром Васильевичем у причала.

— Идете в Питер, дядя Петя? — спросил Коля.

— Всенепременно, — ответил матрос. — Такое дело без нас не обойдется.

— И без меня тоже, — заявил Коля. — Куда матросы, — туда и я.

— Да ты же вольный!

— А вольным что, нельзя драться за власть Советов?

— Оружие имеешь? — спросил Сергунин.

— Вы дадите, — уверенно сказал Коля.

И в самом деле, Сергунин вынул из кармана наган.

— Вооружайся!

Коля деловито осмотрел револьвер, покрутил барабан, поблескивавший медными донцами патронов.

— Самовзвод? — осведомился он.

— А как же, офицерский, не сомневайся!

— Дело! — сказал Коля.

¹ 7 ноября по новому стилю.

Он уже понимал толк в оружии и знал, что у офицерских наганов курок сам взводится, когда нажмешь на «собачку» — спусковой крючок. Такой револьвер удобнее старого, который давали солдатам-артиллеристам. У того перед каждым выстрелом курок надо было оттягивать рукой.

На борт «Амура» Коля поднялся вместе с Петром Васильевичем. Он был в бушлате, на голове — лихо сдвинутая к затылку бескозырка с золотыми буквами надписи «Заря свободы». Ее дал Коле кто-то из дружков с линкора. И вообще он ничем не отличался от матросов, вот разве ростом. Еще бы несколько вершков. . . Но в конце концов и это было неважно. Не такое время, чтобы о своей личности думать. Только что на митинге Коля слышал слова, пронизавшие все его существо точно электрическим током и заставившие вспомнить вечер, когда он встречал Ленина.

— Мы идем совершать социалистическую революцию. Мы идем с оружием в руках, чтобы сбросить власть капитала, — говорил матрос — большевистский вожак Совета.

То, к чему звал Ильич с броневика у Финляндского вокзала незабываемой апрельской ночью, становилось действительностью в этот октябрьский день.

«Наступают исключительные события в истории нашей страны и всего мира», — звучали в ушах слова, только что слышанные на митинге. И он, Коля Потопов, — участник этих событий! Коля сжал рукоятку нагана, ощупал пачки патронов, оттягивавшие карман, и стал протискиваться через плотную стену матросов к борту.

«Амур» медленно отваливал от причала. Он низко сидел в воде, отягощенный необычным грузом. Больше двух тысяч матросов заполнили его палубы, но он

упрямо резал волну, а в кильватере за ним вытягивались другие корабли, тоже переполненные матросами.

Так они и вошли в Неву. По обоим бортам стали видны фабричные трубы и краны. Впереди посередине реки стоял развернувшись большой корабль.

— Наш? — спросил Коля дядю Петю, но ответа не услышал.

«Ура!» — загремело на палубе, «ура!» — несло в ответ с корабля, стоявшего впереди. Кронштадтцы обменивались приветствиями с боевыми товарищами — командой революционного крейсера «Аврора».

«Амур» остановился перед Николаевским мостом около «Авроры», а через несколько минут к нему подошло много мелких судов и матросы стали переправляться на берег. Они уже всё знали: Ленин в Смольном, он руководит восстанием. Отряды Красной Гвардии окружают Зимний дворец, где засело контрреволюционное Временное правительство.

— И мы к Зимнему? — спросил Коля Петра Васильевича, едва они сошли на набережную.

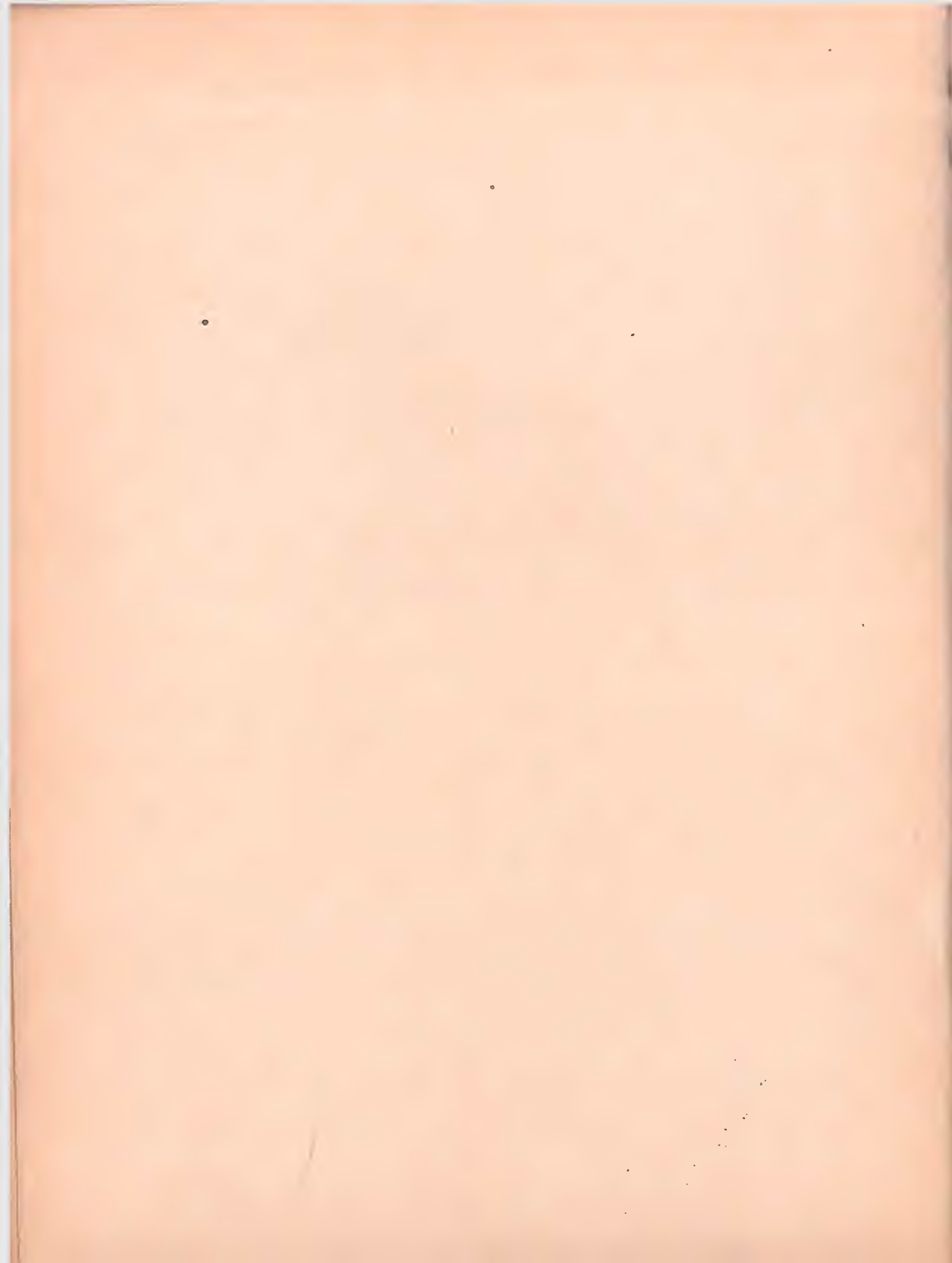
— Туда, — сказал Сергунин. — Не к теще же на пироги приехали. Ты около меня держись.

Их отряд двигался вдоль набережной Невы, по узкой и длинной Галерной улице, пересек Сенатскую площадь, где высился Петр Первый на вздыбленном бронзовом коне.

Коля шел в строю, очень озабоченный тем, чтобы держать шаг.

Каким необыкновенным был сегодня Петроград! На площадях собирались толпы людей. Отряд за отрядом двигались красногвардейцы, солдаты, матросы. На углах с оружием наготове стояли патрули. Где-то хлопали ружейные выстрелы. . .

И в то же время на улицах шла обычная будничная жизнь. Сновали по панелям прохожие, на Конногвардейском бульваре бегали ребятишки, проносились, дробно позванивая, вагоны трамвая, переполненные пассажирами. По булыжнику мостовой грохотали подводы, цокали тяжелые копыта огромных ломовых лошадей и бесшумно проезжали извозчиьи пролетки. В пролетках сидели какие-то господа в твердых круглых шляпах-котелках.

Но кольцо восставших все теснее сжималось вокруг дворца. Отряд моряков продвинулся вдоль здания Адмиралтейства и через Александровский сад к самой Дворцовой площади.

Потом, уже через годы, Коля Потапов пытался восстановить в памяти весь этот день, час за часом, и не мог. Слишком много было впечатлений и событий. Они смешались, переплелись между собой. Какие-то передвижения, стрельба, стоны раненого, упавшего рядом. . . Зато необычайно отчетливо запомнился выстрел «Авроры» — сперва красное зарево, на мгновение охватившее темное осеннее небо, и затем громовой раскат. Кто-то вытащил из кармана большие часы-луковицу и, чиркнув спичкой, сказал:

— Сорок минут десятого.

И тут же прозвучал призыв:

— Вперед! Даешь дворец!

Матросы бросились через площадь. От дворца торопясь застучали пулеметы. Несколько кронштадтцев упало, другие бежали вперед. Коля бежал с ними и стрелял из своего нагана. Сразу достичь дворца удалось лишь немногим, — слишком силен был пулеметный огонь.

Красногвардейцы и матросы завязали с гарнизоном Зимнего перестрелку. Она длилась несколько часов, и

все это время штурмовавшие пытались прорваться к дворцу. Они подбирались к нему с флангов, ползли через площадь.

Темные окна дворца вдруг осветились ярким электрическим светом. Его включили монтеры дворцовой электростанции, чтобы помочь наступающим. А те уже были у Зимнего.

Отряд моряков снова бросился вперед.

С маху перескочили через баррикаду, сложенную из дров у самого дворца. За ней уже никого не было, а в дворцовых комнатах Коля прежде всего увидел щеголей-юнкеров и множество женщин в военной форме. Это были солдаты из женского «ударного батальона», который Временное правительство считало самым преданным своим защитником. «Ударницы» в серых шинелях казались страшно толстыми. Их винтовки валялись на полу, лица были бледные и растерянные. Некоторые держали руки поднятыми вверх, иные даже стали перед матросами на колени. Юнкера тоже стояли с поднятыми руками, но из дальних комнат продолжали стрелять, слышались взрывы гранат.

— Где временные-то? — спрашивали матросы на бегу.

Не так легко было найти бесславное Временное правительство, спрятавшееся в одном из внутренних помещений огромного дворца. Но его нашли и арестовали. Бывших министров, перепуганных, дрожащих, отправили под конвоем красногвардейцев и матросов в Петропавловскую крепость.

А Зимний еще долго был заполнен народом. Рабочие, солдаты и матросы — победители — уверенно располагались во дворце, где раньше хозяйничал царь, а потом министры-капиталисты.

В огромном зале с паркетом, похожим на картину,

нарисованную искусным художником-живописцем, Коля Потапов увидел два трона.

— Который царский? — спросил Коля. — Этот, да? — И он быстро уселся на трон, положив на высокий резной подлокотник руку, в которой еще сжимал заряженный наган. — Что, я хуже царя? — со смехом сказал он Петру Васильевичу.

— Слезай, наследник, — ответил ему Сергунин. — Еще испортишь. Это же теперь наше. Все наше — и дворец, и город, и страна.

В это самое время в Смольном съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принимал написанное Лениным воззвание к народу. Он провозгласил советскую власть.

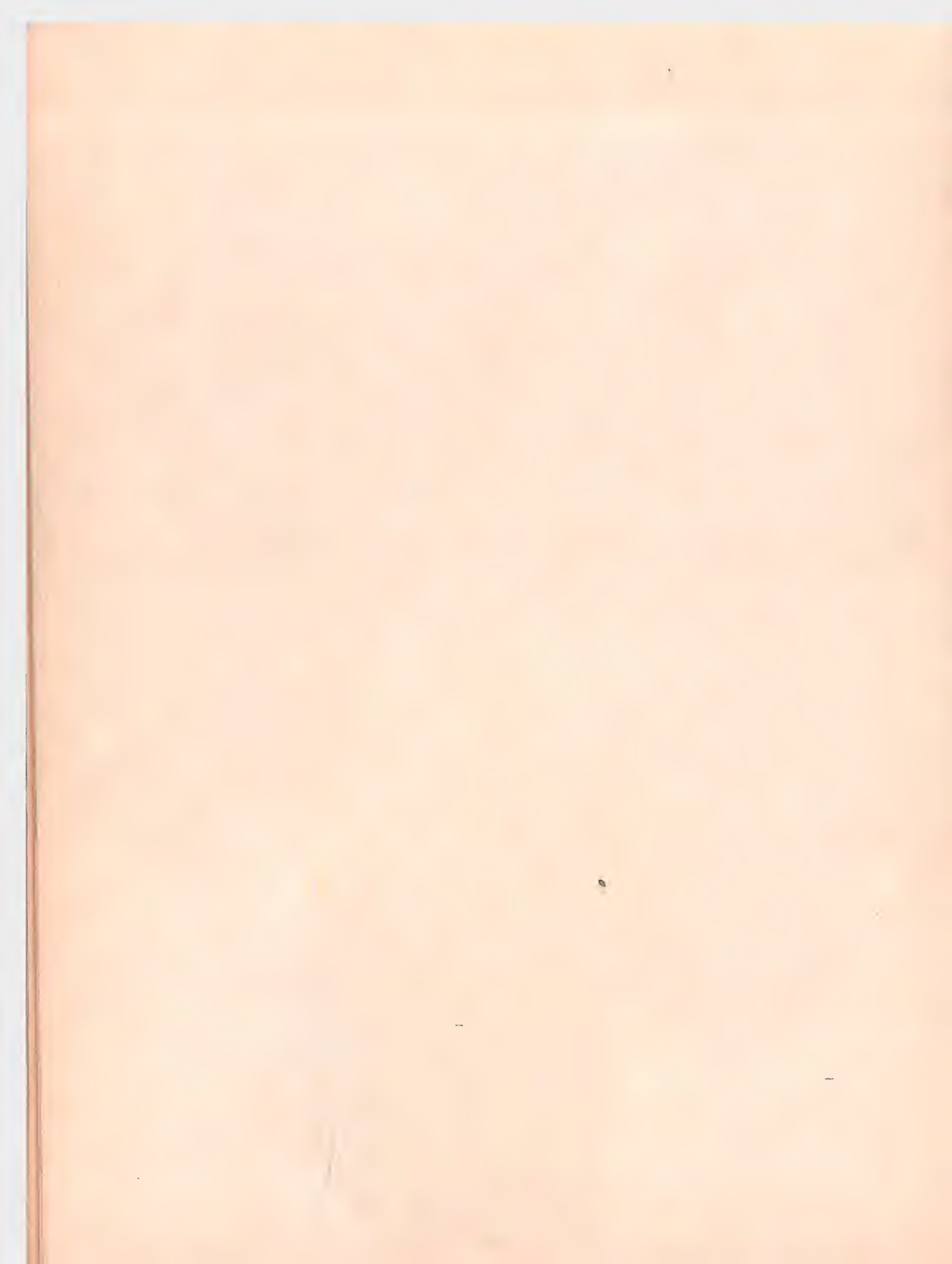
КРАСНАЯ АРМИЯ

Холодной февральской ночью Коля Потапов проснулся от воя заводских гудков. Тревожный гул врывался с улицы и, казалось, наполнил дом. Он разбудил всех. Коля слышал, как вскочила с постели мать, завожилась в своем углу сестренка Ириша.

— Господи, что случилось-то? — беспокойно говорила мать, зажигая лампу. — Не к добру гудят.

Для жителей рабочих окраин Петрограда гудки заводов и фабрик были привычным явлением будничной жизни. Гудок заменял часы. Настоящие-то часы можно было увидеть в редких семьях. Только немногим удавалось скопить деньги, чтобы купить даже самые дешевые. Вставали по гудку, по гудку шли на завод, по гудку начинали работу. У каждого завода, у каждой фабрики был свой гудок: один — басистый и хриплый, другой — высокий, пронзительный; и люди хорошо различали их. Это гудит кожевенный завод Брусницына, это табачная фабрика «Лаферм», а вот подал могучий голос Балтийский судостроительный завод. . .

У каждого гудка было свое постоянное время, но теперь все фабрики и заводы гудели разом, совсем не в положенный час, и голоса их не были уверенные и спокойные, как всегда. Заводы гудели прерывисто и часто. В гудках слышался настойчивый беспокойный призыв. «Тревога, вставайте все!» — кричали гудки.

Коля в минуту оделся и выскочил на улицу. Уже на бегу, по дороге к заводу, натягивал на себя пальто. На темной улице было много людей. Рабочие спешили к родным заводам, повинаясь их властному зову. Иные шли с винтовками, с тяжелыми подсумками на поясах. Время было боевое.

На железнодорожной платформе у раскрытых заводских ворот стояло несколько человек. Большевик из заводской ячейки слесарь Касьянов говорил, обращаясь к все растущей толпе:

— Германцы прут на Питер! Ленин сказал: социалистическое отечество в опасности. Пришло время нам грудью защитить свою власть.

Голос у Касьянова был надорванный, ему, видно, много приходилось выступать за последнее время. И сейчас Касьянов старался говорить как можно громче, все снова и снова повторяя речь при виде подходящих рабочих.

— Германцы на что рассчитывают? Старая царская армия развалилась, уходит по домам, а наша новая, Красная Армия, еще не создана. Думают, — нас можно голыми руками брать.

Мы не хотим войны. Первый декрет советской власти был о мире. Наша делегация вела с немецкой армией переговоры, но Троцкий самовольно отклонил предложения немцев. Они и воспользовались этим, открыли наступление. Немецкие войска уже под Псковом и Нарвой.

Что же, товарищи, неужели мы позволим задуть советскую власть? Не для того мы боролись. Кому дорого социалистическое отечество, бери оружие — и в бой на врага!

— Прошу добровольцев строиться на дворе! — крикнул кто-то другой с платформы; и вся толпа хлынула во двор, начала становиться в шеренги.

Утром отряд подходил к Смольному. Его командир доложил комитету революционной обороны Петрограда:

— Все рабочие нашего завода решили отдать себя в распоряжение советской власти и готовы сегодня же отправиться на фронт. Завод закрыт до победы.

А вечером Коля Потапов был уже в пути. Длинный эшелон двигался по Балтийской дороге в сторону города Нарвы. Добровольцы устраивались в тесных теплушках, сидели вокруг железных печурок, пели песни — старые революционные песни и новые, родившиеся в первых боях за советскую республику.

«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это».

Эшелон шел на запад, а впереди него и следом за ним шли другие эшелоны. Только что созданные отряды Красной Армии двигались навстречу врагу.

Первый бой с немцами, в котором довелось участвовать Коле Потапову, произошел между городами Псковом и Нарвой, в деревне Самолва.

Днем к красному командиру Яну Фабрициусу прискакал на усталой, взмыленной лошади крестьянин с донесением от партизанского отряда. Партизаны сообщали, что немецкие войска наступают по льду через горловину, соединяющую два озера — Чудское и Псковское.

— Много ли немцев? — спросил Фабрициус.

— Тьма-тьмушая, — ответил крестьянин. — Не считать.

А у Фабрициуса был каждый боец на счету. Он и ста пятидесяти человек не мог сразу бросить на врага. Но Ян Фабрициус недаром был опытным фронтовиком. Он понимал, что времени терять нельзя.

Сотня конников двинулась рысью к деревне Самолва. Часть отряда с пулеметами ехала на санях. Коля Потапов устроился на легких дровнях, привалившись к «максиму» — пулемету — и зарыв ноги в сено. После штурма Зимнего он уже не расставался с оружием. В заводском отряде Красной Гвардии он научился владеть пулеметом и теперь был включен вторым номером в пулеметный расчет.

Первым номером в расчете оказался немолодой рыжеватый солдат в серой папахе и шинели, прожженной во многих местах. Звали его Семеном Пахомовым.

— Для пулеметчика самое главное — спокойствие, или, по-научному, хладнокровность, — наставлял он Колю. — Что значит хладнокровность? Я так понимаю это научное слово: вот прусаки лезут, аж тошно глядеть, а ты ничего, терпишь до команды и ни гу-гу, и кровь у тебя, что у рыбы, ну никакого волнения. А на прицеле немца, конечно, держишь все время. И как уж дадут команду, ну тогда не зевай!

— Надо быть хладнокровным, я понимаю, — сказал Коля. — Но трудно это, наверно, в бою. И потом немцев, говорят, движется полк или даже дивизия, а нас горсточка. Вот и не горячись тут.

Слушая Колю, можно было подумать, что он боится, но в самом деле он вовсе не боялся; наоборот, ему хотелось, чтобы бой начался скорее, он мечтал, как отличится в этом бою. Только он чувствовал неудержимую потребность говорить, он был очень возбужден ожиданием.

Старый солдат Пахомов ясно видел это возбуждение, обычное у молодого бойца. Потому он и старался говорить с Колей особенно рассудительно и степенно.

— В такой позиции как раз и надо, чтобы без горячки, — толковал он. — Дуром если лезть, никаких войск не хватит, а если с умом, тогда и горсточка может нивесть что наделать. Ну, командир у нас башковитый. Фабрициуса я знаю. Железо! Уж он не погорячится зря и дуром воевать не станет.

В те времена Коля Потапов еще не слышал суворовского завета: воевать не числом, а умением. Зато он понял суть этого мудрого правила в первом бою.

Фабрициус решил устроить немцам жаркую и неожиданную встречу. Едва оглядевшись в деревне Самолва, он уже составил себе план: пулеметы поставить в каменном доме на пригорке, стрелков расположить на огородах за хатами, конный отряд замаскировать в леске у дороги, по которой должен прийти враг.

А враг не заставлял себя ждать. Только расположились в деревне, как разведка донесла, — немцы уже близко. К Самолве быстрым маршем подходила кавалерийская часть — не меньше пятисот сабель.

Немцы были уверены, что не встретят никакого отпора. Они шли плотной колонной, и топот коней далеко разносился по заснеженным полям.

Они прошли мимо конного отряда, замаскированного в лесу, втянулись в узкую деревенскую улицу, подошли уже к каменному дому, стоявшему на пригорке.

— Да что же мы ждем? — лихорадочно спрашивал Коля Семена Пахомова.

— Командир знает, — тихо отвечал Пахомов.

Голова немецкого отряда уже миновала каменный дом, и вся колонна выгнулась дугой на повороте дороги, когда прозвучала команда: «Огонь!»

Восемь пулеметов заговорили сразу.

— Ленту давай! — услышал Коля яростный голос Пахомова. — Скорее, рыба кровь!

Коля быстро подал ленту. Он не напомнил Пахомову его слов о том, что кровь у бойца должна быть холодной, как у рыбы. Не до того было.

Они заправили в пулемет новую ленту, и тот снова застрочил. Коля глянул на деревенскую улицу и был поражен. Как все изменилось за минуту! Стройная колонна немецкой кавалерии превратилась в какое-то месиво из мечущихся коней и людей. Немцы перескакивали через заборы, пытаясь уйти из огневого мешка, и кони их вязли в глубоком снегу. А пули красноармейцев косили их и косили.

Только небольшая часть немецкого отряда сумела повернуть и бросилась назад по той самой дороге, по которой совсем недавно захватчики шли так самоуверенно и спокойно. Но и этим не удалось уйти. Вылетевший из леса конный отряд красных перерезал им дорогу. Кони сшиблись, началась рубка.

Лишь накануне созданный отряд Красной Армии в коротком бою разбил наголову отборную часть оккупантов.

Коля Потапов ликовал, да и все ликовали в отряде. Бойцы не знали, сколько таких боев развертывается в это время на фронте от Пскова до Нарвы, но они чувствовали: свершилось нечто очень важное и большое. И в самом деле немецким оккупантам под Псковом и Нарвой был нанесен удар. Молодая Красная Армия задержала их наступление.

НОЧЬ В СТАНИЦЕ ПЛАТОВСКОЙ

Семен Михайлович Буденный приехал в станицу Платовскую во вьюжную зимнюю пору. Давно тянуло его в родные края, но, если б не Октябрьская революция, кто знает, вернулся ли бы он когда-нибудь домой?

Пятнадцать лет прослужил Семен Буденный в кавалерийских частях, прошел через две войны. Когда кончился срок, положенный по призыву, Буденный остался в армии служить сверхсрочно. Не сладко было ходить в младших командирах-вахмистрах под началом лощеных помещичьих сынков — казачьих офицеров, но и дома ничего доброго Буденного не ждало. Отец его — бедный безземельный крестьянин — батрачил у богатеев, — работал до седьмого пота, жил в нищете. И для Семена в станице одна дорога — в батраки.

В октябре 1917 года все изменилось. Великая революция отдала землю народу. Новая жизнь открывалась перед крестьянской беднотой. Для этой новой жизни и возвращался из армии на Дон, в родные места батрацкий сын, казачий вахмистр Семен Буденный.

Ему хотелось всласть поработать на родной земле, и зимние вьюги были тому не помехой. Начинать нужно было с того, чтобы завести на Дону новые, советские порядки. Буденный организовал станичный совет. В первый раз за всю историю казачьей станицы Платовской властью в ней стали не богатеи-атаманы, а казацкая беднота, простые труженики земли.

Надо было отнять плодородные земли Сальских степей у помещиков и кулаков, богатевших чужим трудом. Надо было отдать эти земли тем, кто в них действительно нуждался, — бедноте. Этим и занялся вчерашний вахмистр.

Но стать пахарем Буденному не пришлось. Долгой и трудной оказалась борьба с богатеями. Она заставила снова сесть на боевого коня. В этой борьбе и прославился один из первых советских полководцев, легендарный герой гражданской войны, маршал Советского Союза — Семен Михайлович Буденный.

Бурлило все в ту пору на Дону. Казаки-богатеи собирали белые банды. Их отряды врывались в станицы, рубили, вешали, расстреливали тех, кто стоял за советскую власть.

Семен Михайлович был в степи, когда его родную станицу Платовскую захватили белогвардейские отряды генералов Гнилорыбова и Семилетова. Страшная началась расправа. Многих растерзали на месте. Три сотни революционно настроенных крестьян и казаков были арестованы. Избитых, связанных, их загнали в амбар у станичного правления. Амбар был просторный, но его набили людьми, как зерном.

— Ничего, уместитесь, — с издевкой говорил мордастый белогвардеец, вталкивая в амбар старого батрака Михаила Буденного. — Посидишь тут за сына. Недолго. Скоро всех вас к стенке поставим.

А Семен Михайлович в это время собирал на хуторе Козюрине друзей — красных казаков. Немного было у него поначалу народа, но решение у Буденного созрело твердое: надо освободить родную станицу, выбить белых.

— Как же мы их пересилим, если у них сил не в пример больше? — спросил Семена Михайловича кто-то из товарищей. — Они все вооружены — и пушки у них есть, говорят, и пулеметы, и винтовки, а у нас почитай одни колья.

— Силой не взять, так хитростью возьмем, — ответил Буденный.

Темной ночью он пробрался со своим отрядом в Платовскую и подошел к станичному правлению. Десятка два белых казаков выводили из амбара связанных одной веревкой арестованных — на расстрел. Были слышны только глухие удары и грубая брань палачей.

— Ура! — во весь голос закричал Буденный. — Ура! — подхватили его товарищи и бросились на конвой. Несколько конвоиров упало под их ударами, остальные побежали, бросая винтовки. Они совсем не ждали нападения, а темнота не позволяла определить силы красных.

— Бери оружие! — командовал Буденный.

Его товарищи и освобожденные ими крестьяне быстро вооружились винтовками, взятыми у белоказачков.

Белогвардейцы, засевшие в станичном правлении, еще толком не разобрали, что случилось, а Буденный уже атаковал их. До утра длился бой, и под конец белые бежали из станицы. Они бросили две пушки, сто винтовок, четыре пулемета, коней.

Утром Семен Михайлович собрал своих друзей; и оказалось, что за ночь боя отряд вырос в несколько раз. К нему присоединились сочувствующие красным станичники.

Сто двадцать человек стояли в конном строю перед Буденным.

Немного слов сказал тогда командир своим бойцам. Все знали, зачем взяли оружие, за что предстоит воевать.

«Ма-арш!» — прозвучала протяжная команда.

И отряд отправился в поход — гнать врага, освобождать от него донскую землю. Огромный боевой путь предстоял ему. С каждым боем все больше и сильнее становился отряд, потому что на смену одному павшему бойцу приходили несколько новых. Из этого и других таких же отрядов выросла со временем первая конная армия, ставшая грозой белых на фронтах гражданской войны. Много песен о ее победах сложили бойцы. Весь народ пел эти песни.

«Никто пути пройденного
У нас не отберет.
Мы конная Буденного.
Дивизия, — вперед!»

„КНЯЗЬ ЧАВЧАВАДЗЕ“

Шум на улице заставил Василия Киквидзе оторваться от карты.

В избу доносились возбужденные голоса, какие-то крики.

— Что там такое? — спросил Киквидзе ординарца.

— Сейчас узнаю, — ответил тот. Но быстрый, порывистый Киквидзе уже выскочил из-за стола и вышел из хаты.

По пыльной станичной улице двигалась группа красноармейцев, плотно окружив какого-то человека.

— Пленного взяли, товарищ начдив, — доложил командир разведчиков, увидев Киквидзе. — Офицер и, видишь, важный. Только вот не говорит ничего.

Разведчик с раздражением дернул пленного за золотой шнур — аксельбант, какие носили в старой армии офицеры высших штабов.

— А документы взяли?

— Взяли. По документам — капитан князь Чавчавадзе.

Киквидзе посмотрел на пленного. Бледное, до синевы, лицо, крупный нос, черные блестящие глаза.

— Да он же на вас похож, ей-богу, — с удивлением сказал кто-то из бойцов Киквидзе.

— И правда похож, точно брат, — подтвердили другие. Киквидзе снова с интересом посмотрел на пленного. Пожалуй, есть какое-то сходство.

— Что-то не было у меня до сих пор братьев-князей. Ну ведите его в штаб. Я с ним по-родственному поговорю, — засмеялся начдив.

В избе он быстро и внимательно просмотрел бумаги князя.

— Поиграли в молчанку. Теперь, я думаю, хватит, — сказал он пленному. — Как имя, отчество полковника, к которому вы ехали?

Может быть, пленный понял, что главное начдив все равно уже знает из документов. Может быть, он считал, что вопрос мелочен, так что, ответив, он никаких секретов не откроет. А может быть, на него подействовало то, что он говорит с Киквидзе. Имя этого молодого начдива было хорошо известно не только в Красной Армии. Так или иначе, пленный ответил.

А Киквидзе продолжал задавать такие же, совсем как будто незначительные, вопросы: возраст полковника, характер, где князь с ним встречался. . .

Только тот, кто очень близко знал Киквидзе, мог бы догадаться, что зреет какой-то смелый замысел.

Василию Исидоровичу — Вану, как его звали друзья, — было тогда двадцать четыре года. Другие в таком возрасте едва начинают самостоятельную жизнь, но у Киквидзе была уже удивительная биография борца, революционера, солдата. Еще гимназистом в Кутаиси он участвовал в революционном движении. Потом продолжал революционную работу в армии, на фронте.

Он служил в кавалерийских частях вольноопределяющимся. Это звание давалось в царской армии молодым людям со средним образованием. Он не являлся офицером, но жил среди царских офицеров, вращался в их среде. А все же действительно своим человеком Ваню был среди солдат. С ними он говорил по душам, объясняя, кому нужна война, за что надо народу бороться.

В 1917 году юноша-вольноопределяющийся стал председателем дивизионного комитета. Солдаты верили ему. Они пошли за ним, когда он начал создавать первые красногвардейские отряды. И он показал себя блестящим командиром. Воинское мастерство сочеталось в нем с удивительным бесстрашием, выдержкой и находчивостью.

— Вы ручаетесь за точность своих ответов? — спросил Киквидзе пленного в конце допроса.

— Слово офицера.

— Ну что же, я проверю. Только для этого мне придется одолжить у вас форму.

Офицер посмотрел на него с удивлением и страхом.

Через несколько минут Киквидзе натягивал на себя капитанский мундир с золотыми аксельбантами. Пуговицы застегивались с трудом.

— Жидковат князь, — поморщился он с досадой. — Ну ладно, сойдет.

К избе подъехал автомобиль. Шофер, с погонями на плечах и царской кокардой на фуражке, сидел за рулем.

— Как с господами офицерами обращаться, не забыл? — спросил Киквидзе, осматривая шофера.

— Никак нет, ваше благородие! — выкрикнул тот, быстро вскочил и открыл Киквидзе дверцу машины.

— Ну то-то! Теперь поедem в гости.

Машина затарахтела, стрельнула черным дымом и рванулась вперед, оставляя за собой пыльный хвост.

Вскоре адъютант докладывал полковнику в штабе белогвардейской армии:

— Прибыл князь Чавчавадзе от генерала Краснова.

— Прощу, — сказал полковник. — Прощу, — повторил он капитану, вошедшему в кабинет, и поднялся на встречу.

— Рад видеть вас, князь Чавчавадзе, в добром здравии. Прекрасно выглядите, возмужали. — Вошедший вытянулся, щелкнул шпорами и, подождав секунду, пока не закрылась дверь за адъютантом, тихо проговорил:

— Руки вверх, я Киквидзе!

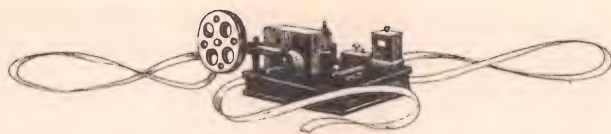
Полковник увидел направленный на него пистолет, — с носа у него соскочило пенсне, и он поднял руки.

— Прощу соблюдать полную тишину, — сказал Василий Исидорович. Взгляд его остановился на бронированном сейфе, стоявшем за спиной полковника. — Откройте, пожалуйста. — Полковник отпер сейф дрожащей рукой. Шкаф был полон бумаг. Киквидзе вздохнул. Разбирать бумаги он времени не имел и, взяв со стола толстый полковничий портфель, стал набивать его картами и документами без разбора.

— А теперь мы проедемся с вами на автомобиле, — сказал он, закончив работу. — Но помните: одно слово — и я буду вынужден вас застрелить.

Полковник поднялся и сделал нетвердый шаг к дверям. Киквидзе с любезной улыбкой взял его под руку. Так они и вышли из кабинета.

— Скоро вернемся, — весело бросил Киквидзе адъютанту, вскочившему при их появлении. — Мы совершим с вами, полковник, прелестную поездку, — весело тараторил он, идя к своей машине. Через час Киквидзе был уже в своей дивизии вместе с полковником и оперативными документами белого штаба.

ПИСЬМО ИЛЬЧУ

Телеграмма пришла в дивизию днем. На дворе было солнечно и жарко и пахло пересохшей землей. Телеграфист в смятой солдатской фуражке сидел за безмолвным аппаратом, а со двора через открытое окно в избу заглядывали две девушки и перебрасывались с телеграфистом короткими фразами.

— Хитрая машина у вас, — говорила одна.

— Может, и на баяне играете, как на этой машине? — спрашивала другая.

— Играю, — отвечал телеграфист. — Вот сменюсь с дежурства — погуляем с вами.

В телеграфном аппарате что-то щелкнуло, он застучал неторопливо и дробно; длинная бумажная ленточка поползла с колесика.

— Я вам сыграю, — сказал телеграфист, улыбаясь девушкам.

Он взял в руку бумажную ленту, и улыбка вдруг сразу слетела с его лица.

— Беги за комиссаром! — крикнул он напряженным голосом бойцу, лежавшему на лавке. — Быстро!

Он ничего не говорил девушкам, но те тихо затворили окно и ушли. А телеграфист сидел над лентой, медленно шевеля побелевшими губами.

Через час телеграмма была известна всем бойцам.

— Тридцатого августа в Москве совершено покушение на Владимира Ильича Ленина. Наш дорогой, любимый Ильич серьезно ранен, — говорил на митинге комиссар.

Гул возмущения и тревоги поднялся над тысячной толпой.

Необычно молчаливые расходились после митинга бойцы. Точно тяжелый камень лег каждому на сердце. «Как там Ленин? Поправится ли?»

Но вместе с тревогой росло в сердцах бойцов и другое чувство — стремление расплатиться с врагом.

— Скорее в бой, ведите вперед! — говорили красноармейцы своим командирам.

Подробности случившегося в Москве они узнали уже после боя, в минуты короткого отдыха, когда части расположились в только что отбитом у белых селе. Бойцы узнали, что 30 августа Ленин выступал в Замоскворечье на большом митинге рабочих завода Михельсона. Когда митинг окончился, Ильич направился к автомобилю. В это время какая-то женщина — никто здесь раньше ее не видел — два раза выстрелила в Ленина из револьвера. Рабочие сразу схватили ее. Оказалось, что это террористка из контрреволюционной партии, которая, обманывая народ, называет себя партией социалистов-революционеров. Женщина стреляла отравленными пулями.

Несколько дней жизнь Ленина была в большой опасности. Весь народ с волнением ждал бюллетеней, сооб-

щавших о состоянии Ильича. Какая у него температура, как он спал, как чувствует себя?

Бойцы дивизии узнавали об этом в перерывах между боями. Они наступали, пробиваясь к большому приволжскому городу Симбирску, городу, где родился Ленин.

Крепкий организм Ильича, его могучая воля одолевали тяжелые раны. Он начал поправляться, к великой радости миллионов тружеников всего мира.

Легче стало на сердце у бойцов. Радость придавала силы. Через несколько дней дивизия была в Симбирске. Родной город Ленина был освобожден от врага.

Сейчас трудно сказать, кто первый надумал тогда написать Ленину; вернее всего, эта мысль возникла сразу у сотен людей. Вся дивизия подхватила ее.

— Обещаем Ильичу, что будем еще крепче бить врагов. Пусть только он поправляется быстрее.

... В деревянном доме на окраине Симбирска сидел у своего аппарата телеграфист в смятой солдатской фуражке. Перед ним лежал лист бумаги, на котором сбитым шрифтом штабной машинки были напечатаны короткие строки. Телеграфист перечитал их и вспомнил солнечный день, когда он принял сообщение о ранении Ленина. Он вспомнил тревогу, охватившую тогда его, вспомнил, как все вдруг изменилось от этой вести, точно солнце померкло.

Телеграфист положил руку на ключ аппарата, лицо его стало серьезным и гордым. Он стал выбивать:

«Москва, Кремль, Ленину.

Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Это была клятва бойцов. В тот же день она дошла до

больного Ленина. И телеграфисту в смятой фуражке довелось принять ответ Владимира Ильича.

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Слова Ленина, его благодарность были для красных воинов дороже всякой награды.

А клятву свою бойцы выполнили с честью. Через три недели они выгнали белых из Самары.

ФОРТ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

В тихий предрассветный час несколько кораблей вышли с Астраханского рейда и взяли курс к восточному берегу Каспия. На мостике флагманского миноносца стоял невысокий широкоплечий человек в кожаном картузе. Его прищуренные глаза зорко вглядывались в серую даль моря. А с палубы на человека в кожаном картузе посматривали военные моряки. В их взглядах можно было прочесть сердечное расположение и радость.

— Сергей Миронович сам с нами отправился! — переговаривались моряки. — Гражданский человек, а уважает морское дело.

— Если б не Киров, у нас и флотилии не было бы. Она же создана его заботой.

Моряки гордились тем, что Сергей Миронович Киров отправился с ними в боевой поход. Само присутствие этого человека воодушевляло людей, заставляло их действовать увереннее и смелее.

Днем корабли приблизились к унылому песчаному берегу, где, как узнало наше командование, белогвар-

дейские части окружили отряд красных партизан-моряков. Оставшиеся без воды и пищи, почти без боеприпасов, отрезанные от своих, партизаны были обречены на верную гибель. Надо было выручить их во что бы то ни стало. И это сделал красный флот.

Быстро по команде спустили с кораблей шлюпки, замелькали в воздухе длинные весла. Через несколько минут шлюпки врезались в прибрежный песок. К ним уже подбегали партизаны.

Немного времени прошло, и весь окруженный белыми отряд был доставлен на корабли. Белогвардейцы с яростью глядели на то, как уплывает из их рук такая, казалось, верная добыча, но корабельные пушки заставляли их держаться подальше.

— В Астрахань смотались, — сказал белогвардейский атаман, наблюдая, как быстро удаляются корабли. Он грубо выругался и хлестнул нагайкой коня.

Однако корабли направлялись не в Астрахань. Отойдя подальше от берега, они повернули на юг.

На палубе миноносца Киров собрал моряков. Он поздравил их с успешным выполнением боевого задания и сказал о том, что теперь предстоит выполнить другую очень важную задачу.

Ночью перед вахтенным открылись огни форта Александровского на полуострове Мангышлак. На кораблях стали готовиться к высадке десанта.

— Главное — захватить их неожиданно, чтобы на форту и опомниться не успели, — передавали командиры требование Кирова.

Все делалось очень тихо, скрытно. Кое-кто из старых каспийских моряков, хорошо знавших побережье, удивлялся:

— Да что нам понадобилось в этой пустыне?

Цель операции стала ясной позже. Сам по себе форт

Александровский представлял, конечно, небольшой интерес. Он находился далеко за линией фронта на оконечности безлюдного полуострова. Белые вряд ли держали здесь крупные силы. Но что же привлекло сюда корабли красной Волжско-Каспийской флотилии?

Почему Сергей Миронович Киров, оставив все дела, привязывавшие его к Астрахани, пошел в дальний морской поход к полуострову Мангышлак, на песках и камнях которого даже колючая чахлая растительность пустыни росла скупой, точно ей было здесь неуютно?

В то время Сергей Миронович был уже видным работником партии. Он приехал в Астрахань в начале 1919 года из Москвы по заданию Ленина и стал руководителем обороны этого важного центра в устье великой русской реки Волги.

Астрахань оказалась на стыке двух фронтов. С востока ей угрожал белогвардейский адмирал Колчак. Этот «верховный правитель России», как он самозванно себя называл, с помощью иностранного оружия захватил огромные пространства Сибири и стремился к Москве. С запада над Астраханью нависали войска другой крупнейшей белой армии — генерала Деникина. А с юга к устью Волги подходили с Каспийского моря корабли английских захватчиков. В самом городе притаились многочисленные враги революции, бежавшие из Москвы, Петрограда, из центра страны — бывшие царские офицеры, помещики, заводчики, купцы. Они старались нанести защитникам красной Астрахани удар в спину.

Организовать оборону Астрахани было нелегким делом. Киров вникал во всё. Он следил за тем, как создаются новые воинские части, чуть не каждый день бывал в казармах и на боевых участках, на фабриках, в порту. Моряки не преувеличивали, говоря, что Волжско-Каспийская флотилия создана его заботой. Но с таким же

правом летчики утверждали, что и боевая авиация в Астрахани — детище Кирова.

Английские самолеты почти ежедневно появлялись над городом, обстреливали его, бросали бомбы. Они были уверены в своей безнаказанности.

Защитники Астрахани имели только совсем изношенные, устарелые самолеты, которые называли не иначе, как «гробами». Да и горючего для самолетов не было совсем.

И все-таки Киров нашел возможность дать отпор воздушному врагу. Он поговорил с молодыми летчиками Щекиным и Коротковым. Они решили вылететь на встречу англичанам.

В старых нефтяных ямах собрали остатки горючего, растопили, смешали со спиртом. Летчик Щекин поднялся в воздух. Все было хорошо, только за самолетом тянулась густая черная полоса дыма. Необыкновенная смесь, которой заправили самолет, чадила, но мотор работал.

Над городом Щекин встретил три вражеских самолета и смело бросился на них. Две машины повернули и скрылись над морем, третья была подбита, ее экипаж — два английских офицера — попал в плен.

Позднее Астрахань получила более новые самолеты. Их прислал по просьбе Кирова Ленин. Появился и бензин. Его тайно доставляли морем в Астрахань рыбаки-партизаны из занятого врагами Баку.

Месяца за полтора до похода кораблей к форту Александровскому в Астрахани вспыхнул мятеж.

Белогвардейцы пытались захватить город изнутри. Но Киров и его товарищи предвидели, что такая попытка возможна. В наиболее важных местах города были заранее размещены самые надежные воинские отряды, на чердаках домов, где жили рабочие-коммунисты, стояли пулеметы.

Белогвардейцы имели много оружия; они были опытными военными людьми — бывшими офицерами. А все же их замысел провалился. Защитники Астрахани быстро их разбили и навели в городе порядок.

Если Сергей Миронович в такую пору решил оставить на несколько дней Астрахань и отправился в морской поход, причина должна была быть очень важной.

На далеком форту Александровском имелась мощная по тем временам радиостанция. Она держала связь с портом Петровским на Кавказе и городом Гурьевом в восточной части Каспийского моря. Петровск был в руках белого генерала Деникина, Гурьев — в руках белого адмирала Колчака. Радиостанция на форту связывала Деникина с Колчаком. Надо было оборвать эту связь.

Не зажигая огней, ничем не нарушая ночной тишины, корабли высадили на берег десантный отряд. Гарнизон форта был совершенно спокоен. До фронта далеко, с моря же белогвардейцы никакой опасности не ждали. Они думали, что красные корабли потоплены англичанами. А красные моряки, высадившиеся с этих кораблей, уже подобрались к самому форту.

Удар был таким стремительным, таким неожиданным, что белые не смогли оказать сопротивления. Сторожевые посты были сняты без единого выстрела.

Белогвардеец-радист не успел даже передать в эфир сигнал тревоги. Увидев направленные на него винтовки матросов, он от удивления открыл рот и стал протирать глаза. Он решил, что ему снится страшный сон.

— Руки вверх, ваше благородие, — насмешливо скомандовал радисту матрос. — Отойти от аппарата!

Радист все еще медлил в растерянности, и матрос подтолкнул его винтовкой. Тогда белогвардеец понял, что это не сон.

Между тем радиотелеграф продолжал работать как

ни в чем не бывало. Он выстукивал депеши, посланные из Петровска и Гурьева.

— Вызвать телеграфистов с кораблей, — распорядился Киров. Он был уже на захваченной радиостанции.

Телеграфисты-морьяки быстро освоились с делом. Они приняли несколько радиogramм. Но прочесть принятые радиogramмы оказалось куда труднее. На бумаге выстраивались длинные ряды каких-то цифр. На первый взгляд в них не было никакого смысла. Однако радисты сразу поняли, в чем дело:

— Передают шифром.

Нужно было найти ключ к шифру и с его помощью прочесть буквы, слова, обозначенные рядами цифр. Спросили пленного радиста-белогвардейца, но тот упрямо молчал. Тогда за расшифровку телеграмм принялся Киров. Он долго разбирал материалы, захваченные на радиостанции, перечитывал записи в журнале дежурного, пересмотрел все документы. Наконец он нашел то, что искал.

Теперь загадочные ряды цифр стали понятны. В них было много важных сведений о действиях белогвардейских армий.

Утомленное лицо Сергея Мироновича лучилось удовлетворенной улыбкой.

— Адрес телеграмм придется немного изменить, — весело сказал он радистам. — Перешлем в наш штаб, в Астрахань. Там эти сведения пригодятся. Белых о перемене адреса можно не осведомлять.

— Отдохнули бы вы, Сергей Миронович, — обратился к Кирову кто-то из моряков. — Которую ночь спать не ложились.

— Потом, — отмахнулся Киров. — Видишь, какое горячее дело!

Молодая, задорная и необыкновенно привлекательная улыбка снова осветила его лицо.

— И кто же спит в праздник?

Охваченные горячкой боевого дела люди не сразу заметили, что давно уже наступил день, праздничный день Первого мая 1919 года.

Для Кирова весь праздничный день был заполнен трудной, кропотливой работой на радиостанции. За ней застало Сергея Мироновича и следующее утро. Он не отходил от аппарата. Казалось, он посвятил себя техническому делу, с которым мог бы справиться и кто-то другой. Но «техническое дело» расшифровки телеграмм двух белогвардейских главарей было исключительно важным.

В одной из телеграмм, переданных из Петровска, сообщалось, что на судне «Лейла» через Каспийское море едет специальная делегация Деникина к Колчаку. В нее входят генерал Гришин-Алмазов и несколько видных белых офицеров. Делегации поручено вести переговоры, которые нельзя доверить радио.

Киров сразу же решил: надо эту делегацию перехватить.

Навстречу «Лейле» был послан миноносец «Карл Либкнехт».

— Действуйте так же, как на форту, быстро и внезапно, — было сказано командиру миноносца. — Подойдите к «Лейле» вплотную, как будто вы посланы белыми для охраны.

Смелый замысел Кирова и на этот раз увенчался полным успехом. «Лейла» была захвачена. Генерал Гришин-Алмазов застрелился, когда красные моряки подошли к его каюте. Уничтожить документы он не успел.

В руки Кирова попало письмо Деникина Колчаку, которое вез Гришин-Алмазов. В письме содержался

тайный план совместных действий всех белогвардейских сил против советской России.

«Главное — не останавливаться на Волге, — говорилось в письме, — бить дальше на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград...»

Киров сразу же сообщил о плане белых в Москву Ленину. Это помогло нашему правительству и командованию принять свои решительные меры, сорвать замыслы врагов и разгромить белогвардейские армии.

Не зря Сергей Миронович предпринимал морской поход к пустынному полуострову Мангышлак.

ЧАПАЙ

— Значит, желательно вам про Чапая узнать? Откуда он будет и что он есть? А вы бы сами спросили. Чапай прост, чиниться перед бойцами не станет.

Прохор Семенов не торопясь взял добрую щепоть махорки из кисета, протянутого ему коротко стриженным рыжим парнем, свернул «козью ножку» и закурил.

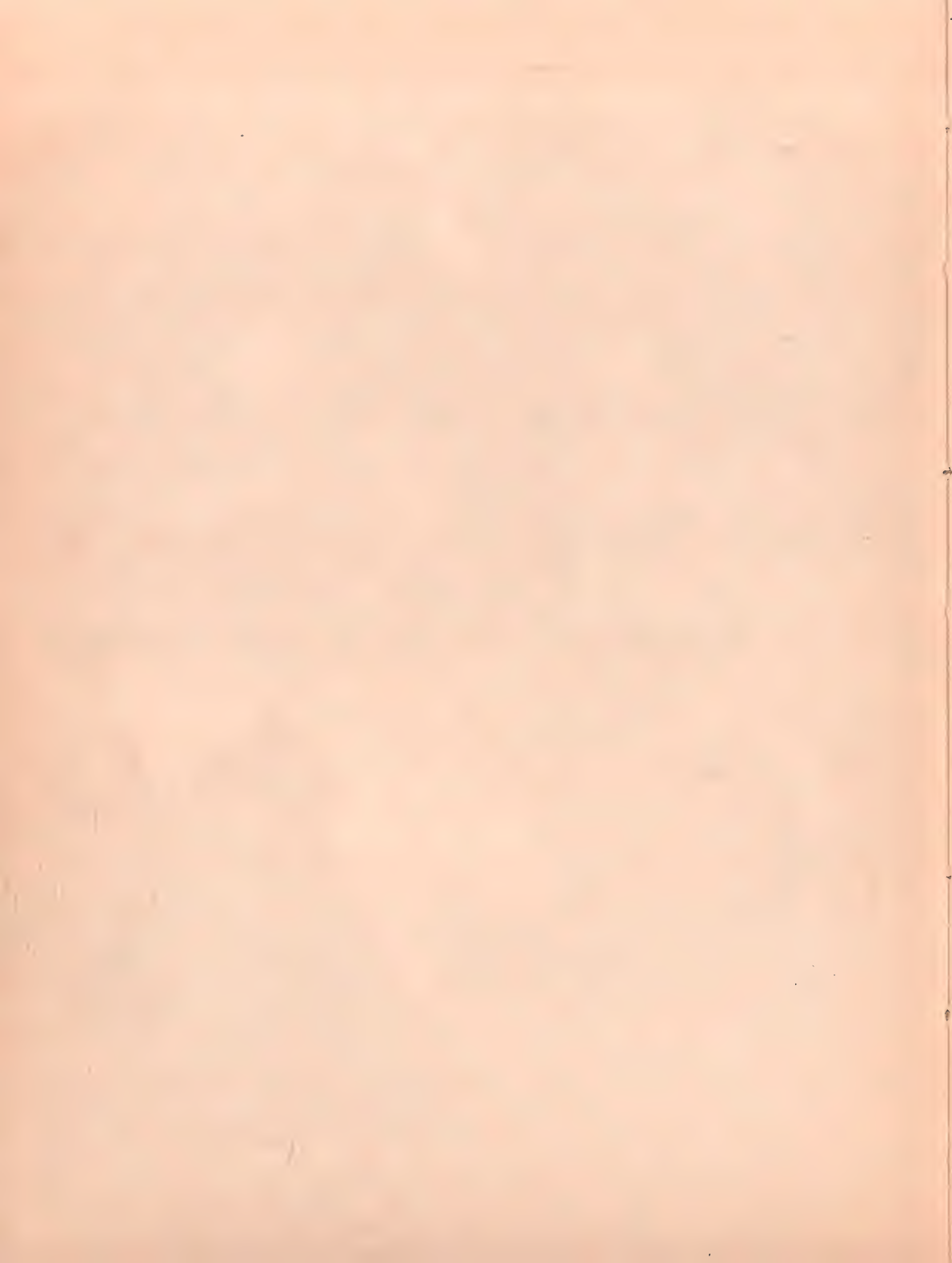
Он сидел на чурбаке перед домом, в который определили их взвод на постой. Вокруг него прямо на земле, покрытой свежей, только пробившейся на свет молодой травой, устроились бойцы из последнего пополнения.

— Я, конечно, вас постарше, ровесник Чапаю, да голубей с ним мальчишкой не гонял, не довелось. А воюем вместе второй год. Он начальник дивизии, я, значит, стрелок, по-старому нижний чин. А впрочем, оба мы Красной Армии бойцы, ягоды с одного поля.

Прохор помолчал, потер рукой колючую щетинистую щеку. Молодые бойцы с ожиданием глядели на него.

— И до чего вы все любите про Чапая слушать, точно не солдат он, а Иван-царевич. Я вам сказок говорить

не буду, — вы не ребятишки, и я не дед. Чапай на Ивана-царевича похож, как ты на прежнего царя Николашку. — Прохор ткнул пальцем в рыжего бойца, угостившего его махоркой.

— Ты из кого будешь? Из крестьян? А ты? — спросил он другого. — Из рабочих? Ну вот и Чапай такой же. Из крестьян Чапай, рабочий человек. Сказывают, и родился где-то он в этих местах в Поволжье, бедняцкий сын. Слышал я, что с восьми лет он батрачил, свиней пас, потом плотничал. Другим, значит, дома ставил, а сам бездомный. Будто он даже шарманщиком был. Ходил по городам и деревням, крутил шарманку и песни пел. Запоешь, когда жевать нечего!

Еще у купцов в мальчиках Чапай служил. Это уж точно я знаю. Ну и лют же он на купца с тех пор! Как сатану, купца ненавидит.

А германскую войну Чапай от начала на передовой в окопах провел. Вся грудь в ранах и в георгиевских крестах. Воевать он бесстрашный. Ну и хитер тоже. В разведку ходил, так германца, как хочешь, вокруг пальца обводил. Вернется из разведки, расскажет, что видел, предъявит трофеи, — генералы и офицеры ушами хлопают, глазами моргают. Им до того и во век не додуматься, что сделает запросто Чапай. А между прочим, все остается как было — они у царя генералы и офицеры, Чапай — солдат. Разве же царь рабочего человека в офицеры пустит?

А у нас Чапай, гляди-ка, царских генералов почему лупит. И должность у него, если по-старому считать, чисто генеральская — над дивизией начальник. Ты это прикинь, мужицкий сын, вот тебе в наглядности и ясно будет, что значит советская власть — рабочего с баринном, солдата с его высокопревосходительством генералом сменяла местами.

За что, спросишь, дана Чапаю от советской власти генеральская должность? За то, что преданный народу человек. А потом — орел. Что сам он ни в какую страха не знает, это еще, можно сказать, полдела или того меньше. А вот что с ним и мы страх забываем, — то главное.

Встретились мы, например, с беляками в степи. Высыпало их столько, не сосчитаешь. Пули свищут, шрапнель сечет. Лежим мы, за землю держимся, голову не поднимать. А тут подлетает Чапаев на полном скаку. Откуда только и взялся. «За мной, — кричит, — не трусь! Если дружно ударить, так беляк тебе ничего сделать не сможет. Сотня красных тысячу белых на капусту порубит!» Увидели мы Василия Ивановича, услышали его голос, поднялись и сотней на тысячу пошли. Ну и верно, побили белых, покروшили в капусту. Вот такой он в бою, Чапаев. Мало, чтоб самому смелым быть. Всех смелыми сделать — в этом самом и есть чапаевское героичество.

Может, вы слыхали, что Чапаев от пули заговоренный, так это чепуха и по науке полная глупость. Наука говорит совсем другое. Трус пули боится, а пуля храброго трусит.

Расскажу еще вам, как мы на Уральск с Чапаевым ходили. . .

Прохор Семенов встал с бревна, бросил докуренную сигарку. Видно было, что он только разговорился, теперь его скоро и не остановишь. Но тут проскакал по улице посыльный из штаба, на пороге соседнего дома появился ротный.

«Выходи строиться!» — разнеслась зычная команда.

Через несколько минут по улицам небольшого степного городка быстро двигались колонны красноармейцев. Весь полк, размещенный в городке, собирался к

огромному, похожему на каменный сарай зданию кинематографа.

— Чапаев приехал, Чапаев говорить будет! — передавал по рядам всеведущий солдатский беспроволочный телеграф.

В битком набитом людьми зале сарая-кино вышел на эстраду худощавый человек с ясными глазами, сидящими глубоко под высоким лбом, с острыми, лихо подкрученными усами. На нем была светло-зеленая, перехваченная ремнями куртка военного покроя, которую тогда называли френчем, черная мохнатая папаха на голове, на боку — неизменная шашка.

Чапай!

Он посмотрел прищуренным взглядом в притихший зал, снял папаху и положил на стол.

— Товарищи! — сказал он уверенно и как будто негромко, но слышали его хорошо в самых дальних рядах. — Товарищи! На Колчака воевать идем. Много мы побили с вами белых в степи — не привыкать к победам. И адмирал Колчак от нас не уйдет.

Говорил он просто. Лицо его становилось то сердитым, то освещалось хитровой улыбкой. И люди в зале тоже и сердились, и улыбались вместе с ним. Они ловили каждое слово, бурей восторженных криков отвечали на его речь.

— Колчак от нас не уйдет! — звучало еще у всех в ушах, когда кончился митинг и на эстраду взобрался гармонист. Широко растягивая мехи, он начал играть «Камаринскую». И снова появился на дощатом помосте человек в зеленом френче, перехваченном тугими ремнями.

Чапаев, будто он вовсе не начальник знаменитой дивизии, гроза белых генералов, а бравый молодой боец, лихо кинулся в пляс. Он самозабвенно, с присвистом и

притопом, откалывал замысловатые коленца. Пот крупными каплями катился по его покрасневшему, разгоряченному лицу.

— Видал, видал? — возбужденно спрашивал старый солдат Прохор Семенов коротко стриженного рыжего бойца из нового пополнения. — Вот он Чапай каков!

Минуту Чапаев плясал один, потом стали проталкиваться на эстраду из зала новые и новые плясуны. Топот, дружные хлопки сотен рук, молодецкий присвист наполнили зал и заглушили гармонь. Казалось, что весь полк пустился в перепляс за Чапаем.

Никто и не заметил, как ушел с деревянного помоста начдив. А он стоял в стороне и глядел на разгулявшихся бойцов. Кто-то хотел подать команду на построение. Чапаев сердито остановил его:

— погоди, пусть натешатся вволю. Теперь нам не скоро гулять.

НА УФУ!

Полтора месяца миновало с тех пор, как Чапаев весело плясал с бойцами в маленьком заволжском городке. Почти все это время дивизия не выходила из боев.

— На Колчака воевать идем! — сказал Чапаев на митинге в зале кинематографа, похожего на сарай. Теперь эта война была в самом разгаре.

Несколько недель перед тем колчаковские армии наступали на огромном фронте. Американские, английские, французские капиталисты богато снабдили их танками, пушками, пулеметами, прислали дивизии своих войск. Высокомерные генералы, одетые в незнакомую иностранную форму, торопили колчаковские штабы — на Москву!

«Уфа — Москва», — так и было написано на вагонах, в которых ехал со своей свитой самозванный «верховный правитель России».

«По Заволжью черной тучей
Стелется Колчак», —

вспоминает это время народная песня о Чапаеве.

Колчак рвался к Москве; черная туча сгушалась, но партия подняла народ на отпор врагу. Снова десятки тысяч коммунистов, рабочих из Питера, Москвы, Иваново-Вознесенска взяли оружие и пошли сражаться.

В Заволжской степи вокруг пыльного города Бузулука верный ленинский соратник Михаил Васильевич Фрунзе собрал боевой кулак, чтобы ударить по Колчаку, вбить железный клин в его армии и расколоть их. Дивизия Чапаева, прославленная 25-я Самарская дивизия, была острием этого клина.

28 апреля 1919 года чапаевские полки вонзились в колчаковский фронт. Еще накануне белогвардейские генералы заключали пари, спорили, как скоро покончат с советской властью, заказывали портным новые парадные мундиры, в которых собирались въехать в Москву. Теперь весь их фронт содрогнулся от удара Красной Армии рабочих и крестьян. Белые остановились, затоптались на месте и покатались назад. За полтора месяца они были отброшены на 350 километров.

Утром тихого июньского дня передовой отряд чапаевской дивизии вышел к реке. Бойцы остановились у светлой быстрой воды. На противоположном берегу кудрявились веселые зеленые рощи.

— Вот она какая, Белая река, — сказал Прохор Семенов. — Можно в ней и умыться.

Но умываться не пришлось.

— Гляди-кось, пароходы плывут! — закричал Прохору Никита Захаров, длинный рыжий парень из пополнения, пришедшего в чапаевскую дивизию в тихом степном городке. Теперь Никита уже не выглядел новобранцем. Он стал бывалым воином. Большая школа — полтора месяца боев.

Прохор поднял глаза. Из-за поворота реки, дымя, выворачивали два пароходика. Они шли совсем близко

от берега. Можно было хорошо разглядеть пассажиров, сидевших на палубе. Многие были в военных костюмах, на плечах золотом блестели погоны.

— Да беяки же это! — удивленно ахнул Никита.

— Стой! — закричал Прохор во всю силу легких и вскинул винтовку.

— Стой! — вторили ему бойцы.

— Зачем вставать-то? — в недоумении откликнулись с ближнего парохода. Там и не подозревали, что красные могут быть уже в этих местах.

— Стой, стрелять будем! — властно повторили с берега.

Тогда на пароходах сообразили, в чем дело. Капитаны попробовали уйти, прибавили ход. Белые офицеры стреляли по берегу из револьверов.

— Дай-ка очередь! — скомандовал Прохор Семенов. Он был уже не рядовым, а командиром взвода.

Никита Захаров стал бить из своего «максима» по пароходам, и они повернули прямо на берег. Еще несколько выстрелов прозвучало над водой. Белые офицеры стреляли в себя, прыгали в реку.

— Заядлые! — сказал Никита.

— Много крови мужицкой у них на руках. Боятся ответа, — сурово ответил Прохор.

А пароходы уже выбросились на песчаный берег, и красноармейцы карабкались на них. Вскоре о захвате этих судов доложили Чапаеву. Чапаев немедленно сообщил Фрунзе.

Красным предстояло переправиться через реку. За Белой лежала Уфа — большой город, на который красные части с самого начала наступления нацеливали свой удар. Захват пароходиков был крупной удачей. Он облегчал переправу через реку.

Дивизия Чапаева вышла к реке на большом фронте.

Одна из бригад стояла против самой Уфы. Между ней и городом тянулся длинный железнодорожный мост, но переправляться решили не здесь, а километров на 25 ниже. Фрунзе и Чапаев хотели ударить там, где враг этого не ждал.

Переправляться начали ночью. Расчет советских командиров оказался правильным. Белые растерялись от первого удара, бросили окопы и побежали. Но долго продвигаться вперед чапаевцы не могли. Их было еще мало на той стороне реки. Как ни вертелись пароходики, быстро перебросить большую массу бойцов они не могли. Колчаковцам, чтобы подтянуть силы, нужно было куда меньше времени. Оправившись, они стали яростно атаковать.

Красный полк засел в поселке Турбасы и отбивал атаку за атакой. Беда была в том, что у бойцов кончались патроны, а доставлять их становилось все труднее. Белые подняли в воздух самолеты и упорно бомбили переправу.

— Последнюю обойму закладываю, — сказал Прохору Семенову рыжий Никита, перезаряжая винтовку. — Что дальше будем делать?

— Патроны кончатся, останется штык, — ответил Прохор. — Штыком колоть будем.

В это время колчаковцы двинули в атаку свои главные силы. Они шли густыми цепями, а со стороны красных раздавались только редкие выстрелы. У большей части бойцов, как у Никиты, патроны совсем иссякли.

Белые подходили все ближе, лавина огня сопровождала их. А бойцы красного полка были измучены долгим боем; ряды их поредели с ночи, и кто-то не выдержал натиска врага, вскочил, подался назад.

— Стойте, товарищи! — кричал Прохор. — Назад ходу нет, там река! Чапаев до последнего велел стоять.

С огромным трудом удерживали командиры измученную, дрогнувшую массу бойцов. Казалось, вот сейчас все рухнет. . . И тут к самой цепи подскакали несколько всадников. Впереди них был коренастый плотный человек. Он спрыгнул с коня в самую гущу отступающих и схватил винтовку.

— Командующий, Фрунзе Михаил Васильевич, — узнал Прохор.

А Фрунзе уже бежал навстречу белым

— Ура! Вперед, товарищи! Вперед!

Ближние бойцы тоже узнали командующего, услышали его голос. Они повернули и побежали за ним, стараясь опередить Фрунзе, закрыть его от врага.

Казалось бы, много ли может сделать один человек в горячке, неразберихе схватки? Но появление Фрунзе изменило ход боя. Красноармейцы, дрогнувшие, отступавшие минуту назад, теперь с удесятеренной яростью кинулись на врага. Они бежали вперед почти без выстрела; ряды их ошетинились штыками, и белые не выдержали натиска, стали отступать.

А тут появились со стороны реки повозки.

— Бери патроны! — кричали ездовые. — Чапай вам прислал.

— Где Чапаев-то? — спросил Прохор, принимая боеприпасы.

— На переправе, оттуда распоряжается. Ох и жара там, ну чистый ад! Да разве Чапаева испугаешь? — сказал ездовой.

Весь этот тяжелый день Фрунзе и Чапаев провели в гуще боя. Под Фрунзе была убита лошадь, и сам он контужен. Чапаев получил серьезное ранение головы. Но управление боем не нарушалось. Красные войска упорно шли вперед, ломая сопротивление врага. Через два дня они были в Уфе.

Прошло немного времени, — уже и Уфа осталась позади. Ночью в только что занятой станице Прохора Семенова разбудил посыльный от командира роты. Он передал приказ выводить бойцов на площадь.

— Командующий приехал, — сообщил он. — Смотр, наверно, будет.

Но построили бойцов не для смотра. На станичной площади разожгли огромный костер, и в его колеблющемся свете бойцы увидели Фрунзе и Чапаева. Повернувшись к строю, Михаил Васильевич громко прочитал приказ Революционного Военного Совета республики о славных боевых победах Чапаевской дивизии. За эти славные победы Василий Иванович Чапаев награждался орденом Красного Знамени.

Чапаев стоял перед командующим вытянувшись, взяв руку под козырек. Бойцы видели, что он очень взволнован.

— Служу трудовому народу, — сказал он, принимая награду из рук Фрунзе.

Фраза была привычная, уставная, но сейчас она прозвучала как-то необыкновенно. Вся душа, все помыслы Чапаева были выражены в ней, и это почувствовал каждый, кто стоял на площади только что освобожденной от врага уральской станицы.

В СИБИРСКОЙ ТАЙГЕ

Березовка — таежное село. Со всех сторон подступает к нему могучий вековой лес. Он точно бы отгородил Березовку от мира. Но революции лес — не преграда. Вместе со всей страной березовские крестьяне устанавливали у себя советские порядки. Со всем трудовым народом отстаивали они новую жизнь.

Когда захватил Сибирь белый адмирал Колчак, березовские крестьяне пошли воевать: одни — в Красную Армию, другие — в партизаны. Множество партизанских отрядов ходило тогда таежными тропами. Белым от них большое беспокойство было, Красной Армии — большая помощь.

Тихо стало в Березовке. Ни на улице, ни в поле, ни в огороде не видно мужиков: все взяли оружие и ушли в тайгу. Одни женщины с ребятами остались в селе, да еще несколько стариков. Им партизанить в тайге было трудно, но помогать партизанам хотели все.

Помогали хлебом, одеждой — кто чем мог. Однажды пришлось березовским женщинам, старикам, ребятам и

повоевать с белыми. И так они повоевали хорошо, что долго потом вся округа говорила об этом.

Начала все эти дела бабка Марья, седая старуха, у которой уже внуки были в партизанах. Как-то утром бабка Марья запрягла лошаденку и отправилась в лес — то ли дров ей привезти надо было, то ли сена. Отъехала она немного от деревни, слышит, — колеса стучат, много колес. Кто бы такой мог быть? Завела бабка свою лошадку за кусты и смотрит. А по дороге обоз белых идет, подводы с каким-то добром, на подводах солдаты, а впереди офицер на коне. Повернула бабка Марья, стегнула своего Вислоухого и поехала в село ближней дорогой.

— Бабы, — кричит, — Колчак по нашему лесу ходит!

Вся деревня высыпала на улицу — женщины, ребята и пять стариков.

— Пойдем Колчака брать, — говорит дед Аким.

— Да чем брать будем? Ведь даже охотничьего ружьишка в селе не осталось, всё партизаны с собой взяли.

— Страхом брать будем, — говорит дед Аким. — Да и ружьецо у меня есть. Старое, правда, и не стреляет, зато грозное на вид.

И вся деревня отправилась в лес на перехват белого обоза. Далеко идти не пришлось, — белые уже к самой Березовке подходили.

Дед Аким свою «армию» оставил за деревьями, а сам с четырьмя другими стариками вышел на дорогу перед самым обозом, ружье поднял.

— Сдавайся, — кричит, — кидай оружие!

Белые солдаты схватились за винтовки, а дед Аким предупреждает:

— Глядите, чтоб тихо, без баловства. Сдадитесь, — винтовочки заберем и домой отпустим, а станете баловать, так всех перебьем. У нас сила большая.

А сила акимовская — женщины и ребятишки — стоят в лесу и хворост ломают, кто руками, кто ногами. Треск такой поднялся, точно и правда там видимо-невидимо бойцов идет.

Белый офицер все-таки скомандовал стрелять и сам выхватил пистолет, но тут какой-то солдат с телеги прямо на его лошадь прыгнул и стал офицеру крутить руки. Солдаты-обозники были тоже из сибирских крестьян, в колчаковскую армию их забрали насильно. Многие сами думали о том, как бы уйти к партизанам.

Винтовки солдаты побросали на землю. Но дед Аким прикрикнул на них:

— Чего оружию раскидываете! Оружью беречь надо, кладите на первые подводы.

Солдаты послушно выполнили приказ. Офицеру связали руки. Тут из лесу вышла акимовская «армия» — женщины и ребята. Солдаты, как увидели, кто их в плен взял, стали хохотать:

— Завоевали нас бабы.

— Отставить смешки! — распорядился дед Аким. — Становись, пленные, в шеренги. Рассчитайся!

Белые рассчитались. Сто тридцать человек взяли в плен березовские женщины и старики — сто двадцать семь солдат и трех офицеров.

Солдат отвели в деревню, накормили, по краюхе хлеба дали.

— Теперь идите по домам, но только чтобы ни один к Колчаку не возвращался.

А офицеров отправили в партизанский штаб. Туда же повезли и трофеи — сто двадцать семь винтовок, три пистолета, обоз с сапогами, гимнастерками да денежный ящик.

Хороший подарок получили красные от женщин, стариков и ребят из Березовки — далекого таежного села.

РЕМОНТ „ЧЕРНОМОРЦА“

В 10 часов вечера у ворот Обуховского завода раздались резкие, требовательные гудки паровоза.

— «Черноморец» пришел, — разнеслась по цехам весть.

Это было в 1919 году в разгар боев за Петроград. Очень мало людей оставалось на производстве. Большая часть ушла на фронт. Из всей партийной ячейки только два коммуниста были в тот день на заводе, но они быстро сумели собрать рабочих.

На заводском дворе возле платформ бронепоезда стояли худые, измученные голодом люди. В ту пору красный Петроград совсем не имел продовольствия. Белые хозяйничали во всех хлебных районах страны. Не каждый день удавалось получить по карточкам ломоть хлеба, часто весь паек состоял из горсти колючего овса.

— Пища у нас лошадиная, — с печальной усмешкой говорили рабочие, глядя на поврежденные, разбитые платформы бронепоезда «Черноморец», — но поработать придется, как настоящим людям.

«Черноморец» был хорошо знаком обуховцам. Они его пополняли вооружением, ремонтировали уже не раз. Теперь он снова пришел на ремонт прямо из жаркого боя. Броня на платформах была разворочена, большая часть пушек разбита.

— Здорово вам досталось, — понимающе сказал кто-то из рабочих немногочисленным бойцам бронепоезда.

— Нам досталось, а белым вдвое, — ответил матрос с перевязанной бинтом головой. — Давайте скорее под-ремонтируйте, и мы белякам всыплем еще не так.

— Ясно, — отозвались обуховцы. — Сегодня дома нам делать нечего, спать тоже не приходится. С завода уйдем только вместе с «Черноморцем».

Сорок восемь часов без отдыха, без сна на пронизывающем осеннем холоде работали измученные, голодные люди. Никто из них даже не посмотрел в сторону проходной будки. А через 48 часов, заново отремонтированный «Черноморец» ушел с завода прямо на линию фронта. Не далек был путь. Еще какой-нибудь час — и только что поставленные обуховцами пушки уже открыли огонь по белым.

БАРСКАЯ КВАРТИРА

Весной 1919 года Николай Потапов приехал в Петроград. В родном городе он не был больше года, много повидал и пережил за это время. Он воевал на разных фронтах, стал, несмотря на свою молодость, военным комиссаром, был ранен, а потом тяжело заболел тифом, который тогда косил людей по всей стране.

Из госпиталя он выписался бледный, худой. Обмундирование сидело на нем, как чужое. Коля просил направить его обратно в часть, но врачи не хотели об этом и слушать.

— Какой вы сейчас боец? На ногах еле стоите. Отдохните месяц-два, поправьтесь — тогда другое дело будет.

Коля получил отпуск, сложил в вещевой мешок свой скудный паек и собрался в дорогу.

— Неужели в Питер поедешь? — спрашивали его. — Тебе же отъестся надо, а там голодуха.

Но Колю тянуло в Петроград, где он родился и вырос.

Петроград поразил Николая, — очень уж изменился за год. Город казался пустынным, — на улицах было мало людей, трамваи почти не ходили, исчезли извозчики, стоявшие прежде вереницами вдоль тротуаров. На каком-то перекрестке Николай увидел вздувшийся труп лошади. Она пала, наверно, от голода. У трупа грызлись собаки, а рядом с ними возилась толстая баба. Она вырезала куски мяса.

— Надо в милицию свести ее, — возбужденно говорили между собой подростки, собравшиеся на углу. — Это же спекулянтка; она на рынке пирожками торгует.

Всего несколько дней прожил Коля дома. Слишком тревожная была пора, чтобы молодой комиссар мог спокойно отдыхать. Грозная опасность нависла над красным Петроградом. Белая армия генерала Юденича рвалась к городу. Нужно было преградить ей дорогу.

«Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало. Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу», — говорилось в воззвании Центрального Комитета Коммунистической партии.

Светлым майским вечером Николай Потапов пришел в райком партии и предъявил свои документы.

— Прошу быстрее направить на передовую.

Райком был похож на армейский штаб. Здесь занимались только военными делами. Все коммунисты, все комсомольцы, все рабочие мобилизовались. В одной из комнат райкома раздавали оружие. Из тех, кто получил его, тут же создавались отряды. Одни шли сразу на фронт, другие получали боевые задания в городе.

Коля узнал, что положение Петрограда стало еще более трудным. Белогвардейские агенты подняли мятеж

на мощном форту Красная Горка, расположенном на берегу Финского залива, недалеко от Кронштадта. Были сведения, что мятеж подготавливается и в самом Петрограде.

Нужно было ударить по врагу железной рукой, чтобы сорвать его замыслы. Сталин, присланный в это время в Петроград Центральным Комитетом партии, принимал решительные и твердые меры на фронте и в тылу.

— На сегодняшнюю ночь поступишь в распоряжение чрезвычайной комиссии, — сказал Николаю Потапову секретарь райкома. — Будут проведены массовые обыски в буржуйских квартирах. Задача — захватить контр-революционеров врасплох, найти их оружейные склады.

Он посмотрел на Николая воспаленными от долгого недосыпания глазами и добавил, прежде чем тот успел что-либо ответить:

— И не спорь. Времени нет. Все в окопы просятся, а тут дело, может быть, труднее и опаснее, чем на фронте.

По тону секретаря можно было догадаться, что он повторял эту фразу сегодня множество раз.

Всю ночь Николай Потапов, назначенный командиром рабочего отряда, провел на Миллионной улице. Он оцеплял, расположенные на ней богатые особняки,ставлял вооруженные патрули у подъездов и на дворах, ходил с группами вооруженных рабочих по буржуйским квартирам.

Работа оказалась куда утомительней и неприятнее, чем он себе представлял. Приходилось долго звонить и стучать в запертые на множество засовов двери, будить спящих или притворявшихся спящими людей, проверять документы, тщательно осматривать чужие вещи.

Все в городе знали приказ о немедленной сдаче оружия. За незаконное хранение грозил расстрел. И все же

отряд Николая Потапова нашел оружие в нескольких квартирах. Пришлось арестовать немало людей с сомнительными или явно поддельными документами. По большей части эти люди оказывались бывшими царскими офицерами, из тех, кто готовился поднять мятеж.

В квартиру номер 2 последнего отведенного его отряду дома Николай Потапов вошел уже под утро. Квартира находилась в первом этаже, рядом с воротами. Как и в других местах, на звонок долго не откликались. Уставшие и злые, отрядчики колотили прикладами в тяжелую дубовую дверь. Кажется, и мертвых можно было разбудить таким стуком, но бледная женщина в ярком халате, отпершая, наконец, засовы, оставив, однако, дверь на цепочке, делала вид, что едва проснулась и еще ничего не может понять спросонок.

— Сейчас же открывайте, не то будем стрелять, — резко сказал Потапов.

Тогда женщина поняла и быстро открыла.

— Ах, зачем же у нас обыск? — спрашивала она. — Мы ведь честные советские служащие. Чужих у нас нет, запрещенного ничего не держим. Ну, извольте, убедитесь сами.

Она старалась кокетливо улыбаться и смотрела на Потапова глазами, в которых была злоба и страх.

Что-то подозрительное чувствовалось в ее поведении. Потапов особенно внимательно проверил документы у тех, кто был в квартире — у двух женщин и старика, — тщательно осматривал вещи. Рабочие ворча ощупывали сиденья глубоких мягких кресел, обитые плюшем диваны, лазили под кровати, выстукивали стены. Но документы у жильцов были в порядке, ни в креслах, ни в диванах, ни под кроватями ничего не нашли.

Пора было идти дальше, но Потапов медлил. «Если им нечего скрывать и все у них в порядке, почему так

долго не открывали, почему так трусит и юлит эта женщина? — думал он. — Или она просто напугана рассказами о „зверях-большевиках“? . . .»

— Ну что ж, извините за беспокойство, — сказал он, наконец, женщине и, повернувшись к выходу, встретился глазами с пожилым дворником, сопровождавшим рабочий отряд.

— Антресоль ихний смотрели? — тихо спросил дворник.

— Какую антресоль?

— Ну, верхнее помещение значит, которое над подворотней, — также тихо сказал дворник. — Из прихожей дверца должна быть.

Дворник вошел в прихожую и огляделся.

— А, видите, они здесь шкаф приставили.

В прихожей действительно стоял старинный дубовый гардероб, огромный и тяжелый. Рабочие уже осматривали его, но он был почти пуст, только на нижней полке лежало какое-то старье.

— Давайте-ка отодвинем, — сказал Потапов.

Трое рабочих навалились на шкаф, но он не поддавался.

— Мы его уже лет десять не двигали, напрасно вы мучаете себя, — запинаясь бормотала хозяйка. — Там же ничего нет.

Потапов и дворник тоже ухватились за шкаф. Что-то затрещало, и он отодвинулся. Коля увидел в стене маленькую нишу и дверцу на высоте человеческого роста. Тут же дверца сама открылась, из нее высунулась рука с револьвером и раздалось несколько выстрелов.

Усатый дворник схватился за живот и опустился на пол. Женщина вскрикнула и бросилась в комнату.

Коля выхватил револьвер и выстрелил в нишу.

Перестрелка, начавшаяся в доме, сразу отозвалась

на улице. Оттуда донеслись винтовочные выстрелы. В квартиру вбежал рабочий-отрядник и доложил, что какой-то человек выскочил на панель из окна над воротами и пытался убежать, но был подстрелен патрульными.

Потапов сделал еще несколько выстрелов по дверце в стенной нише. Оттуда не отвечали.

— Выходите, — крикнул Потапов, — вы окружены!

Ухватившись за шкаф, он подтянулся, влез в нишу и быстро распахнул дверцу ударом ноги.

За дверцей в низком, но широком помещении стояли два человека с револьверами.

— Бросай оружие, руки вверх! — скомандовал Николай.

Оба бросили револьверы и стали медленно поднимать руки.

— Возьмите их! — крикнул Николай подоспевшим товарищам.

Сам он уже осматривал помещение.

— Ого, да тут же целый оружейный склад! Надо вызывать машину.

В тайнике над воротами действительно оказалось очень много оружия, спрятанного белогвардейскими заговорщиками, — два пулемета, десятки винтовок, ящики с патронами и гранатами. Нашелся и ход, которым пользовались заговорщики. Старый шкаф действительно давно не отодвигался. Он был даже закреплен у стены длинными гвоздями, зато доски задней стенки легко вынимались, открывая доступ к дверце в стене.

Уже днем, когда Николай закончил ликвидацию тайного склада оружия и докладывал в райкоме о результатах обыска, он узнал, что не ему одному удалось захватить такие трофеи. В буржуазных квартирах города рабочие отряды нашли и забрали несколько тысяч вин-

товок, сотни тысяч патронов, много взрывчатых веществ и другие боеприпасы.

Это было серьезной победой над белогвардейскими заговорщиками, хорошим добавлением к победе, одержанной матросами Кронштадта и рабочими Петрограда, которые совместным ударом с моря и суши взяли мятежный форт Красная Горка.

Недолго продержались белогвардейцы на захваченном было ими форту. Устроить мятеж в Петрограде им не удалось вовсе.

Укрепив, очистив свой тыл, защитники красного Петрограда начали наступление на фронте. В одной из наступавших частей был и Николай Потапов.

— А как же с вашим отпуском? — спросили его в штабе, когда он прибыл туда из Питера и предъявил свои воинские документы. — Вы же и половины отпуска не использовали. Пропадет, значит?

— Не пропадет, — весело ответил Потапов. — Кончится гражданская война, тогда обязательно отгуляю.

КОННИКИ И САМОЛЕТ

В привольной степи вокруг села Бутурлиновка расположился на отдых конный корпус Буденного. Уже несколько суток полки двигались быстрым маршем от Царицына к Воронежу. Надо было перехватить белую кавалерию генерала Мамонтова, вышедшую в тыл Красной Армии. Мамонтовцы прокладывали дорогу армиям Деникина, предпринявшим поход на Москву.

Буденновскому корпусу приходилось спешить. Двигались днем и ночью. Отдых выдавался редко, и люди особенно радовались ему. В степи вокруг Бутурлиновки, везде, где только видел глаз, раскинулись бивуаки, дымили походные кухни, стояли повозки с поднятыми оглоблями, паслись табуны коней. Над бивуаками развевались красные флаги. Бойцы, собравшись группами среди телег, чинили обмундирование, пели песни под гармонь.

Неожиданно в веселый шум лагеря ворвался чуждый звук — монотонное металлическое жужжание самолета. Задрав головы, конники глядели в синее знойное небо.

Откуда бы взяться аэроплану? У Буденного тогда не было авиации, хотя она и очень пригодилась бы в рейде.

Самолет, поблескивая крыльями на солнце, кружил над лагерем шестой кавалерийской дивизии, но, сколько ни вглядывались в него бойцы, они не видели опознавательных знаков. Знаков не оказалось и тогда, когда самолет опустился ниже и пошел на посадку.

«Чей же все-таки это самолет, наш или белогвардейский? Кого он ищет, нас или Мамонтова?» — спрашивал себя начальник шестой дивизии Апанасенко. «Пожалуй, что не наш», — решил он и тут же подал команду:

— Прекратить песни! Свернуть знамена!

Он вскочил на коня и поскакал к тому месту, где сидел самолет. Это было в полуверсте от расположения дивизии. Но раньше, чем быстрый конь донес Апанасенко до неизвестного самолета, тот снова заревел мотором, поднялся и полетел навстречу всаднику, едва не касаясь колесами высокой травы.

Летчик высунулся из кабины, стараясь разглядеть скакавшего по степи. Апанасенко сорвал с головы шапку и стал размахивать ею, как бы приветствуя гостя, приглашая его садиться.

И самолет снова сел, а через минуту Апанасенко был уже около него.

— Кто тут стоит? Казаки? Мамонтов? — торопливо спрашивал летчик.

Теперь уже было ясно, чей самолет и кого он ищет.

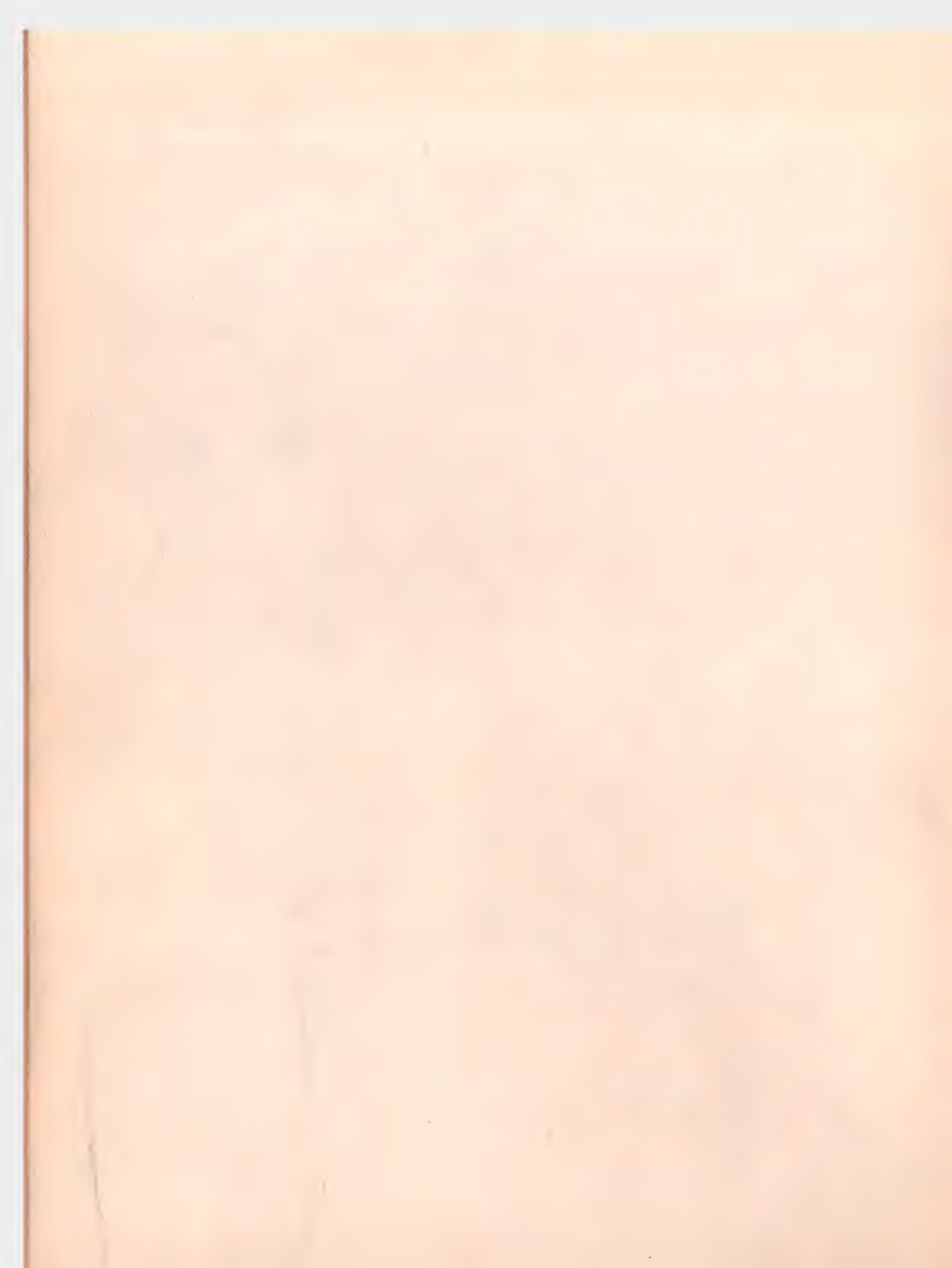
— Да, Мамонтов, — ответил Апанасенко и выхватил наган.

Летчик еще ничего не понял. Он истоиво перекрестился и начал вылезать из самолета.

— Ну, слава богу, — говорил он. — Наконец-то нашел своих.

Тут он заметил наведенный на него револьвер.

— Ах вот что? Значит, вовсе не Мамонтов, а Буденный? Так мне же к самому Буденному и надо, — заговорил он и полез обратно в кабину.

— Погоди, не торопись, — остановил его Апанасенко. Перегнувшись в седле, он схватил летчика за шиворот и ссадил на землю.

Подскакавшие конники окружили пленного. Апанасенко с сожалением смотрел на самолет.

— Эх, жалко, своего летчика у нас нет, а то пригодилась бы нам эта птичка. Живо узнали бы, где белые, что делают, куда идут.

Самолет сразу использовать не удалось, но многое из того, что интересовало красных командиров, они узнали из документов, взятых у пленного. На редкость это были важные документы. Летчик вез приказы белым генералам — Мамонтову и Шкуро. На его карте было указано расположение основных сил Деникина и план их дальнейших действий.

КРАСНЫЙ ДУНДИЧ

Если в донской станице спросить старого казака из тех, что воевали в конной армии вместе с Ворошиловым и Буденным, знал ли он Олеко Дундича, помнит ли, может ли рассказать о нем, казак покрутит седой ус и скажет:

— Знал ли красного Дундича? Да кто не знал его в первой конной? Помню ли его? Да неужели можно такого товарища забыть? А рассказать о нем... Вот это уже не так просто. Все рассказывать, — много вечеров на это нужно. Выбирать? Ну, попробуй-ка выбери!

Может быть, рассказать вам о том, как появился он в Красной Армии? Рассказать, как бросился с небольшим своим отрядом на целый германский полк и порубил его?

Или о том рассказать, как он один сшибался с десятком врагов? Или как из госпиталей бегал на фронт раненый? Так это же с ним раз двадцать случалось.

Или о том, как стрелял из револьвера и рубил обеими руками?

Верно о нем Климентий Ефремович сказал — лев с душой малого ребенка. Такой он и был, Олеко Дундич. Вам, может, про лазарет в Гвоздовке не приходилось слышать? Ну, о том и расскажу. Тот лазарет нам, значит, Дундич и спроворил. Ему же до всего было дело, что товарищей касалось.

А в Гвоздовке о ту пору стоял девятнадцатый кавполк. Как раз после боя остановился. Жаркий бой вышел, казаки с казаками рубились — наши красные буденновцы и белые казаки Мамонтова генерала.

Много казаков головы в тот день сложили, а поранено еще больше было. Ну и Дундича поранили, как не убили только. Он же в самое пекло все время лез. Ох и накрошил он мамонтовцев, ну просто на удивление!

А в Гвоздовке, значит, решил Дундич лазарет наведать. Может, перевязаться хотел или дружков боевых задумал навестить. Только какой уж лазарет там был? Название одно. Врача полк о ту пору лишился и фельдшера тоже и лекарств никаких не осталось, разве что какая-нибудь присыпка для вновь рожденных, потому что бойцам в ней, конечно, надобности нет.

Зашел Дундич в лазарет, в хату, где раненые казаки положены. Воздух густой, человеку с воли продохнуть невозможно, темно, люди на полу один возле другого вповалку лежат.

Постоял Дундич, постоял в избе и вышел бледный, лицо такое, точно его второй раз полоснули. Под вечер уж дело было. Дотемна по деревне ходил Дундич, а как стемнело, — заседлал коня и за околицу рысью.

Потом мы узнали, — к Мамонтову отправился он непрошеным гостем на хутор Черный. Как там все получилось, расписать не берусь, — сам не видел, а Дундич о своих делах рассказчик плохой был. Вот о других сказать или песню спеть — это он мастер.

Так что долго ли, коротко ли, а доскакал он до хутора, коня привязал, а сам пошел на поиски, — где там у них лазарет белогвардейский. Ему к белым ходить не впервой было, — пройдет мимо караулов таким гоголем, что те только моргают глазами и козырять торопятся, — за важного офицера принимают.

Нашел он лазарет. На полках лекарства английские да французские — какие хочешь. В приемной сестра милосердия сидит — в косынке с красным крестом, по полной форме.

С этой сестрой, видно, получился у Дундича деликатный разговор. Что он ей говорил там, врать не буду, но только сгреб красный Дундич сестру это со всей аптекой, с французскими порошками и английскими мазями, завернул в свою мохнатую бурку и прямо в Гвоздовку галопом.

Привез он сестру ни мертвую ни живую от страха, а сам смеется, хохочет:

— Худо тебе, девушка, не будет. Целы твои банки-склянки? Ну и хорошо. Лечи наших красных казаков. Это не мамонтовские головорезы. На совесть лечи, чтобы все здоровы были.

Вот какой был наш товарищ — красный Олеко Дундич.

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

Много героев было в конной армии. Подвиги одних стали со временем забываться, о других и сегодня поют песни, рассказывают легенды. В числе этих героев — Коля Островский. Его жизнь служит и, наверное, долго будет служить примером для молодых людей разных стран мира.

Он ушел на фронт совсем еще мальчиком, и пятнадцати лет не минуло. Ростом Коля был невысок и не широк в плечах, но это уже был обстрелянный боец. Он успел побывать в опасных переделках.

С десяти лет он работал сперва кубовщиком вокзального буфета в украинском городке Шепетовке — кипятил воду в огромном баке — «кубе». Потом пилил дрова, был помощником кочегара на электрической станции.

На Украине хозяйничали немецкие войска и белогвардейские банды Петлюры. Рабочий народ ненавидел их, боролся как только было можно. В этой борьбе участвовал и рабочий паренек Коля Островский. Он выполнял задания большевистской организации. Коле поручали

расклеивать листовки; он делал это ловко и бесстрашно. Темной ночью пробирался по улицам городка, в котором знал каждый дом, каждый закоулок. Там, где неслышно прошел мальчуган, на столбах и заборах белели листовки.

Однажды Коле поручили распространить обращение подпольного революционного комитета к немецким солдатам. Большевики призывали немецких солдат прекратить грабеж украинской земли. Большевики звали немцев последовать примеру русских братьев — скинуть помещиков и капиталистов, установить народную власть.

Коля Островский разбросал это воззвание на вокзале, в вагонах, везде, где бывали немецкие солдаты. Потом он отправился к комендатуре и под носом у часового наклеил листовку на стену.

Как-то Коля шел по улице и вдруг увидел знакомого рабочего-большевика, которого вел под конвоем петлюровец с винтовкой наперевес. Коля знал этого рабочего, знал, что он член ревкома, что белогвардейцы арестовали его и теперь большевику грозит расстрел.

Не задумываясь Коля бросился на конвоира, схватил винтовку и пригнул ее к земле. Петлюровец оторопел, потом, ругаясь, стал вырывать винтовку. Коля держал ее цепко. Сбитый с ног, он катался по земле, но оружия не выпускал.

Грохнул выстрел. Услыхав его, арестованный обернулся. Тяжелым ударом по голове он оглушил конвоира. Через минуту он скрылся вместе с Колей, оставив петлюровца лежать на мостовой.

Так тринадцатилетний мальчуган спас жизнь старшего товарища-большевика. Кто-то из сыновей богатеев узнал о поступке Коли и донес петлюровцам. Мальчика арестовали. Его били, требуя, чтобы он выдал большевиков, но Коля упорно молчал. В конце концов ему

удалось вырваться из тюрьмы. Враг так ничего и не узнал от него.

Когда в Шепетовку пришла Красная Армия, Коля проводил целые дни среди бойцов. Он участвовал в схватках с кулацкими бандами, кишевшими вокруг городка. И как-то само собой получилось, что с Красной Армией он ушел на фронт — его приняли в часть как полноправного бойца.

Мальчик из небольшого украинского городка стал любимцем красных конников, среди которых служил. Он был веселым товарищем в походах, певцом и гармонистом, рассказчиком, послушать которого собирались и пожилые бойцы. Он горячо, увлеченно говорил о книгах или читал товарищам вслух, а они сидели кружком около него в час привала и слушали звонкий молодой голос. Он никогда не расставался с книгой, даже в самых трудных походах, читал запоем. Он любил книги о мужественных людях, бесстрашно боровшихся за народ.

А главное, он сам был мужественным юношей, смелым разведчиком, метким стрелком. Его ранили в первом же бою, но он не ушел из строя. Он видел, что многие бывалые конники, даже получив серьезную рану, старались не попасть в лазарет, продолжали драться. А ведь он решил не отставать от самых опытных и отважных.

Запомнились ему тяжелые бои под городом Новоград-Волынском, когда буденновцы семнадцать раз в день ходили в атаку и взяли город наперекор всему. Может быть, в этих боях и возникла уверенность, что человек способен одолеть любую, самую невероятную трудность, если только он упорен до конца и все свои силы умеет направить на достижение цели. Такая уверенность не покидала Николая Островского до последних его дней.

Под Новоград-Волынском в коротком перерыве между частыми атаками разведчику Коле Островскому пришлось стать и подрывником. Чтобы помешать действиям врага, красное командование решило уничтожить мост через реку. Под мостом была заложена взрывчатка — тяжелые банки динамита.

— Разрешите, я подожгу, — попросил Коля командира.

«А ты справишься? — хотел спросить командир. — Тут ведь на секунду замешкаться, — так беды не миновать», но глаза его встретили веселый, горящий взгляд черных Колиных глаз, и он не спросил ничего. Зачем спрашивать? Командир хорошо знал Островского, — на него можно было положиться.

Через несколько минут Коля спокойно поджег взрывной шнур под мостом и пригнувшись побежал к своим.

— Порядок! — сказал он, прыгая в укрытие. И вслед за этим огонь вырвался из-под моста; полетели в небо расщепленные бревна; земля содрогнулась от тяжелого удара.

А вскоре конники снова бросились в атаку.

Такой была боевая жизнь — атаки, походы, перестрелки. Коля Островский был в строю атакующих и тогда, когда разорвавшийся рядом снаряд выбросил его из седла. Молодой боец очнулся на мостовой только что занятого города. Жестоко болела ушибленная о камни спина. Вся дальнейшая жизнь Николая Островского изменилась из-за этого удара, но тогда он на него и внимания не обратил. Влез в седло и поехал догонять ушедшую вперед часть.

В бою подо Львовом взрыв вражеского снаряда снова выбил Колю из седла. Теперь молодой боец уже не смог сам подняться. Он был тяжело ранен осколками в голову и живот.

Два месяца пролежал Островский в госпитале. Заботливые руки врачей выходили его, но полностью восстановить здоровье не смогли. Осколок снаряда, попавший в голову, повредил зрение. Правый глаз Николая казался таким же, как левый, но этот глаз не видел ничего.

— Воевал ты хорошо, — сказали Островскому, — теперь для тебя война кончилась. Надо жить поспокойнее, — ведь ты инвалид.

Этому инвалиду едва исполнилось 16 лет, и он меньше всего хотел для себя спокойной жизни.

Коля Островский стал в армии комсомольцем, вожакom молодежи. Таким он и остался, возвратясь домой. Он скрывал от всех, как подорвано его здоровье. Он выбирал себе самое трудное и опасное дело. Несколько раз тяжелые недуги сваливали его. К последствиям ранений добавились тиф, жестокий ревматизм. Он ведь не щадил себя, не берег. И каждый раз, едва встав на ноги, он снова с головой уходил в работу. Ему хотелось как можно больше сделать, как можно больше узнать.

Несчастье произошло, когда секретарю окружного комитета комсомола Николаю Островскому было 20 лет. Он очень изменился к этому времени, стал зрелым коммунистом. Его любознательный ум развился и окреп. Островский был все таким же веселым, горячим парнем, но знания, опыт, твердость характера выделяли его из среды сверстников.

И тут-то болезнь окончательно свалила его с ног. Сказалось все перенесенное Николаем, особенно повреждение позвоночника, удар спиной о камни, на который он и внимания не обратил в горячке боев.

Спина, а за ней ноги и все тело постепенно теряли подвижность, суставы действовали все хуже. Все чаще становились приступы мучительных болей.

Скрыть недуг от окружающих было уже невозможно. Товарищи Николая забили тревогу. Его направили на лечение к лучшим специалистам страны. Все было испробовано — операции, грязевые ванны, всевозможные процедуры, лекарства, южный воздух и солнце.

Шли долгие месяцы, годы. Островский, даже прикованный к постели, активно участвовал в делах комсомола, в жизни страны. У него собирались молодые товарищи, и он с ними занимался, делясь знаниями, накопленными за годы работы и учебы. Он разъяснял окружающим события, происходящие в мире, решения партии. И сам читал, учился с такой жадной настойчивостью, которая изумляла даже здоровых людей. Библиотекари жаловались, что для этого читателя не напасешься книг. Каждый день он прочитывал несколько томов.

Но враг — болезнь — продолжал наступать. Боли становились все мучительнее. Тело совсем перестало повиноваться ему, единственный глаз видел все хуже и, наконец, зрение померкло, — пришла слепота.

Изможденный, болезненно бледный человек с неподвижными глазами, заострившимися чертами лица лежал на койке. Казалось, последние искры жизни вот-вот оставят истерзанное болезнью тело.

«Физически потерял почти все, остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу», — говорил Островский. И он показал на деле, что могут совершить эта энергия, это желание.

Слепой и парализованный, он взялся за огромный труд — решил написать книгу о молодом поколении революции, о поколении, к которому сам принадлежал.

Тело не слушалось его, но кисти рук еще сохраняли подвижность. Он мог держать карандаш в пальцах, мог

двигать им. Бумагу он не видел; но, чтобы писать, — не обязательно видеть, — говорил Николай. Папка с белыми листами лежала на поднятых коленях больного, накрытая сверху транспарантом — куском картона с прямыми прорезями. В этих прорезях Островский и писал, не беспокоясь, что одна строчка налезет на другую.

А если можно было, он диктовал своим близким, товарищам, которых у Островского всегда было много. Но самый прилежный секретарь-доброволец уставал писать под его диктовку. Островский не давал себе пощады. Его напряженный рабочий день длился 12—13 часов, а то и больше.

— У меня мало времени, я должен спешить, — говорил Николай.

Почувствовав, что уставшему товарищу становится трудно от долгой работы, он отпускал его и снова писал по транспаранту.

До болезни он никогда не занимался литературным трудом. Он не был уверен, что сумеет написать так, как хотелось бы, — ярко, увлекательно, живо, но он вкладывал в работу всю свою волю, все свое безграничное упорство.

Страница за страницей развивалась повесть о рабочем пареньке Павке Корчагине и его друзьях. Собственная юность снова оживала перед Островским, и он писал о ней, писал о том, что сам видел, что сам делал, что пережил. Это была книга о том, как крепились и становились героями молодые бойцы революции. Островский называл ее «Как закалялась сталь».

Когда первая часть книги была написана, Островский отдал ее в издательство и в журнал. Он чувствовал, что силы его тают, и тем с большим волнением ждал ответа. В те дни он сказал в письме к другу, что значит для него этот труд:

«Со дня на день ожидаю приговора. Я бросился на прорыв железного кольца, которым жизнь меня охватила. Я пытаюсь из глубокого тыла перейти на передовые позиции борьбы и труда своего класса. . . Я должен, я страстно хочу получить «путевку» в жизнь. И как бы ни темны были сумерки моей личной жизни, тем ярче мое устремление».

Он получил эту «путевку». Его книга потрясла читателей. Миллионы молодых людей советской страны прочли ее и увидели в герое книги, Павле Корчагине, своего героя, у которого хочется учиться, которому стремиться подражать.

Николай Островский не узнал старости. Он умер в 1936 году, когда ему было 32 года. Но он продолжает жить в образе Павла Корчагина, которого знает и любит молодежь. «Будем такими, как Павел Корчагин», — говорят юноши и девушки — русские, китайцы, поляки, французы, когда жизнь требует от них мужества, когда надо совершить подвиг во имя народного дела.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Так писал Николай Островский, так он прожил свою жизнь. И его слова о жизни стали девизом для молодых борцов за коммунизм, на каких бы языках они ни говорили.

ДВАДЦАТЬ ВАГОНОВ ХЛЕБА

Федор Семенович Корсаков сопровождал эшелон с хлебом, следовавший из Вятской губерний. В эшелоне было двадцать вагонов, и на каждом стояла надпись, сделанная мелом: «Родному Питеру».

Хлеб заготавливали петроградские рабочие из специально организованных для этого продовольственных отрядов.

Федор Корсаков — уже немолодой худощавый человек с глубокими морщинами по углам крепко сжатого рта — тоже был продотрядником. Работал в продовольственном отряде уже почти два года, и того, что он пережил за это время, вполне хватило бы на целую жизнь нескольким людям. На старости они могли бы много необычного рассказать внукам.

Так уж складывалась работа у продотрядников вообще. Она совсем не походила на то, что мы обычно понимаем под словами «заготовка хлеба». Заготавливать хлеб в те времена значило агитировать и бороться, устанавливать советские порядки в деревнях и воевать.

У продотрядников были верные союзники и друзья в каждой деревне — крестьяне-бедняки, но были злые, жестокие враги — кулаки. С ними и шла война, часто еще более тяжелая и опасная, чем на фронте. Кулаки не хотели давать хлеба Красной Армии и революционным городам. Кулацкие банды нападали на продотрядников, истязали тех, кто попадал им в руки. Старый друг Федора Семеновича, его напарник по станку, вместе с ним ушедший в продотряд, Павел Басманов был захвачен бандитами в поле. Они связали его, бросили в стог заготовленного для Красной Армии сена и сожгли.

С Федором Семеновичем в эшелоне ехало несколько больных товарищей, возвращавшихся из продовольственных отрядов в Петроград. Некоторые были совсем слабы. Ехали они вначале хорошо, в отдельной теплушке. Но потом в теплушку набилось множество пассажиров — женщин с детьми, инвалидов. Нельзя же было их не пустить!

На станциях продотрядники выскакивали и ходили вдоль вагонов с оружием наготове, охраняя хлеб. Этому грузу не было цены. В нем заключалась жизнь голодающих рабочих Петрограда.

Стояли на станциях долго — иногда часами, иногда сутками. Узнать заранее, когда отправится эшелон, было невозможно. На станциях толпилось множество пассажиров с узлами и мешками. Чемоданами в то время не пользовались. Мешки были удобнее на трудных дорогах времен гражданской войны, — без заплечного мешка никто в путь не отправлялся. Но и мешки мешкам рознь. У иных пассажиров они были такие огромные, что туда можно было упрятать чуть не целую корову. Владельцы многочисленных мешков по большей части оказывались спекулянтами. Их называли мешочниками. Мешочники возили из городов в деревню одежду, обувь и другие

вещи, из деревни в город — продукты. Денег они не брали, торговали в обмен и при этом бессовестно обирали и крестьян, и горожан.

Мешочники хорошо знали порядки на железных дорогах, — при посадке умели опередить других пассажиров. Они лезли на тормозные площадки, устраивались на крышах, набивались в порожние вагоны, прицепленные к составу.хлопот с этими крикливыми, бесцеремонными пассажирами у Федора Семеновича было очень много.

На длинных перегонах продотрядники могли немного отдохнуть. Время было зимнее. Рабочие теснились в своей теплушке у железной печурки и неторопливо разговаривали о войне, о проклятых акулах — капиталистах, не дававших покоя советской стране. Говорили о Питере, куда ехали, и, конечно, о хлебе.

О хлебе можно было говорить бесконечно, потому что каждый добытый продотрядниками мешок хлеба имел свою историю, часто удивительную и героическую.

— Вы про девичьи скирды слышали? — спрашивал товарищей тихим голосом бледный рабочий, которого мучила болезнь сердца. — А я такие скирды видел. В тамошних вятских местах, да верст эдак за сто от чугулки, чего только не увидишь! Даже колдуны и то есть, честное слово. Ох и темная жизнь!

А с девичьими скирдами много хлопот было. Нам удмуртская беднота о них рассказала. Водился, значит, у них обычай такой — не у бедняков понятно, а у тех, что побогаче, — как родится в семье девочка, — ставят скирду хлеба на приданое, чтобы было с чем замуж выдавать. Стоит этот хлеб годами; ветер его обдувает, мыши жрут, а трогать нельзя, — девичья скирда священная. Пошел я за деревню с одним мужиком из бедняцкого комитета; показал он эти скирды, так меня даже затрясло всего. Нет, ты подумай! Красную Армию кор-

мать хлеба не наберем, в Питере дети с голодухи пухнут и помирают, а тут хлеб понапрасну стоит до свадьбы там или до морковкиного заговенья.

Взял я за бока председателя сельского совета. Нельзя, говорит, эти скирды трогать, возмутится народ, они священные же, как у нас считают.

Ну ладно, говорю, собирай сход.

Собрались. Я объясняю им про скирды, а они бороды скребут и молчат. Целую неделю я с ними разговоры вел, охрип вовсе, в конец сорвал голос, уж не говорю, а сиплю, как худой граммофон. Про социализм говорю, про нашу жизнь. Вашим дочкам такое приданое, объясняю, при новом строе на черта нужно будет. Они так заживут, что и помещице бывшей не снилось.

Ну что же? Пронял я их под конец. Вышел старик один, шапку на стол кинул: «Верно товарищ из Питера объясняет. Что скирды священные, это название одно, а советской власти подсобить — то дело и впрямь святое. Помещиков она прогнала? Прогнала. Землю нам дала? Дала. А ведь она же еще только начинается, советская жизнь-то. Окрепнет, еще того больше даст. стыдно, значит, нам от советской власти скирды эти беречь».

— Сдали хлеб все-таки? — спрашивает кто-то из продотрядников.

— Сдали. Как же иначе?

— А меня ножом в бок саданули, когда вместе с бедняками кулацкий хлеб из ямы выгребал. Тоже в Вятской губернии было дело, — начинает рассказывать другой продотрядник.

— Не тебя одного, — замечает Федор Семенович. — Кулацкое оружие известно — нож да обреза. Ты скажи лучше, чего это мы опять встали в чистом поле? Надо к машинисту бежать.

Поезд действительно стоит на перегоне. Тихо. Только

из какой-то теплушки в хвосте состава доносится задорный женский голос, поющий злободневную частушку:

«Шла машина,
Да из Тамбова,
А впереди
Плелась корова...»

— Слышишь, что про нас поют? — спрашивает Корсаков машиниста. — И верно, медленнее коровы плетемся. Почему остановка?

— Дрова кончились, — раздраженно говорит машинист. — На станции надо было взять запас, да там нет ничего. Думал, доеду до следующей, и не дотянул, — встречный ветер мешает.

— А дальше что? Так стоять и будем?

— Надо рубить дрова. Без них не поедem.

Федор Семенович смотрит на лес за полем. До него версты полторы, не меньше. Пока оттуда натаскаешь дров... Но делать нечего. Он быстро идет к своему вагону, вызывает товарищей, а потом направляется к теплушкам, прицепленным к хвосту состава.

— Пассажиры, выходите дрова рубить! — кричит он.

— Мы в дровосеки к тебе не нанимались! Нашел батраков тоже! — отвечают из вагонов.

— Коммунисты есть? Красноармейцы есть? Рабочие есть? — громко спрашивает Корсаков, и сразу из теплушек начинают выскакивать люди, но их все же немного. Большинство пассажиров — бабы с мешками, какие-то подозрительные мужчины неопределенного вида, тоже, видно, мешочники.

— Как же мы пойдем, почтенный товарищ? — спрашивает один из них ележным голосом. — У нас ведь с собой последнее добро. Везем деткам хлеба. Укратят же без нас хлебец.

— Оставьте кого-нибудь из женщин для охраны. И быстро все на работу. Каждый чтобы принес по две плахи. У нас дрова вместо билетов будут. Кто дров не принесет, в вагоны не пустим, — решительно заявляет Корсаков и для убедительности кладет руку на кобуру револьвера.

Его слова и этот жест оказывают действие. Ругаясь, крихтя и споря, пассажиры вылезают из вагонов и толпой бредут к лесу, куда ушла уже быстрым шагом группа добровольцев вместе с паровозной бригадой и продотрядниками.

— Я останусь багаж сторожить! — кричит у одного из вагонов молодая баба. — Мне дрова рубить нельзя. У меня же дите грудное!

Она размахивает «дитем», запеленутым в толстое одеяло, так решительно, что пассажиры от нее отступают.

— А ну, дай сюда твоё дите! — вдруг подскакивает к ней другая женщина, тоже претендующая на то, чтобы остаться в вагоне со своими мешками. — Интересное у тебя дите! Третьи сутки едешь, ни разу не пискнуло, ни разу есть не попросило.

Она вырывает у бабы сверток, распеленывает его, и под одеялом оказывается холщовый мешок с крупой. . .

Все-таки стараниями продотрядников доставка дров к паровозу налаживается. Одни пассажиры рубят и пилят деревья в лесу, другие несут дрова через поле и грузят на тендер паровоза.

Через два часа паровоз набирает пары и состав трогается. Он медленно движется мимо голых полей и перелесков. Опять где-то поют на мотив «яблочка» частушку про машину, которая шла из Тамбова. Но все-таки эшелон идет; он идет вперед вопреки всем препятствиям и везет хлеб — двадцать вагонов хлеба для голодающего красного Петрограда.

СУББОТНИК В КРЕМЛЕ

Начало было положено в субботу 10 мая 1919 года. В 6 часов вечера собрались вместе несколько сот человек — коммунисты и сочувствующие им беспартийные работники Московско-Казанской железной дороги. Без суеты, как солдаты, они построились в ряды, вскинули на плечи инструмент — кирки, лопаты, малярные кисти — и пошли на места, куда их разводили мастера.

Все шли с одним желанием — помочь товарищам, которые сражаются на фронтах с армиями Колчака, Деникина и других белогвардейских генералов, с войсками четырнадцати держав, напавших на советскую страну.

Трудно приходилось тогда нашему народу. Огромные пространства земли были захвачены врагом. Фронты сжимали красную Россию огненным кольцом. Хозяйство было разрушено долгими годами войны. Опустели заводы, вода затопила шахты, в главных городах — Москве, Ленинграде и других — царил лютый голод.

Чтобы избавиться от всех этих бед, надо было разбить врагов. Понятно, что каждый, кто был предан

своему народу, своей советской власти, рвался на фронт. Но и уйти воевать все не могли. Должен же кто-то делать оружие и доставлять его в армию.

Железнодорожники, которые не могли отправиться на фронт, решили помочь бойцам своим трудом — без всякой платы работать по субботам несколько часов. День добровольного труда в помощь фронту железнодорожники называли коммунистической субботой. И трудились они действительно по-коммунистически самоотверженно.

В первую коммунистическую субботу на Московско-Казанской дороге работало несколько сот человек, но это было начало. Примеру железнодорожников стали следовать в других местах, в других городах. Уже не сотни людей выходили на субботники, а миллионы. Ленин увидел в субботниках проявление нового, социалистического отношения к труду, какого не было, да и быть не могло прежде. Потому он назвал субботник великим почином.

В те трудные времена субботники оказывали нашей армии, нашему государству очень большую помощь. Это и воодушевляло людей.

Случалось, что проводились субботники не в субботу, а в другие дни. Нередко на стенах какого-нибудь учреждения можно было прочесть объявление:

«Сегодня — субботник по разгрузке дров из прибывших барж. Все, как один, на субботник!»

И хотя день был не субботний, а понедельник или среда, никого это не смущало. Все равно субботник! Под этим названием люди понимали совместную работу, бескорыстную и дружную, там, где необходимо.

Первого мая 1920 года был устроен всероссийский субботник. Он проходил одновременно во всей стране.

Работа шла на фабриках, заводах, железных доро-

гах, на улицах и площадях городов. Шла она и в московском Кремле.

Праздничным днем на площади Кремля вблизи царь-пушки построились, чтобы идти на работу, курсанты и командиры кремлевских пулеметных курсов.

В это время из подъезда, где помещался Совет Народных Комиссаров, вышел Владимир Ильич Ленин. На нем был старый поношенный костюм.

Комиссару курсов доложили, что Владимир Ильич пришел, чтобы работать вместе с курсантами.

— Вы мне указывайте, что нужно делать, — сказал Ленин.

По указанию комиссара Борисова он стал в строй, в первую шеренгу. В строю курсантов он пошел на плац, который надо было расчистить от сваленных там бревен, досок, остатков проволочных заграждений.

Тяжелые длинные слуги носили попарно. Владимир Ильич старался взять слугу не за тонкую вершину, а за толстый конец — комель. Его напарник — комиссар Борисов — забеспокоился, что Ленину, недавно перенесшему тяжелую болезнь, будет трудно и старался сам браться за толстую часть бревна, но Ленин протестовал.

— Так вам придется, — говорил он, — нести бóльшую тяжесть, чем мне.

— Но ведь я моложе вас, — говорил Ленину напарник. — Вам пятьдесят лет, а мне двадцать восемь. Я и должен нести бóльшую тяжесть.

Не один Борисов, все курсанты тревожились, как бы Ленин не слишком утомился. Очень уж дорого было каждому здоровье Ильича. А Ленина их опека только сердила. Он работал так, что молодые, здоровые бойцы еле за ним поспевали. Переноса тяжести, Ленин не ходил, а бежал, обгонял других. Он поторапливал, подзадоривал товарищей, говоря им, что работать вообще

надо быстро. И не он, а напарник первый попросил устроить передышку.

Курсанты сели перекурить. Владимир Ильич присоединился к одной из групп. Кто-то протянул ему папиросы.

— Нет, я не курю, — сказал Ленин. — Когда был гимназистом, один раз попробовал с другими и так накурился, что стало дурно. С того времени не курю.

После перекура снова взялись за работу, таскали тяжеленные дубовые кряжи. Каждый кряж с трудом поднимали шесть человек. И опять Владимир Ильич работал вместе с другими, показывая пример молодым. И только через четыре часа, когда окончился субботник и курсанты отправились отдыхать, Ленин вернулся в свой рабочий кабинет к ожидавшим его делам.

* * *

Много лет прошло с того первомайского субботника. И весенним днем возле Спасских ворот Кремля собралась группа пожилых людей. Были в ней военные — генералы и полковники, были люди в гражданской одежде.

— Здравия желаю, Павел Дмитриевич! — сказал осанистый генерал-майор, обращаясь к седому человеку в пиджачной паре, в котором он узнал первого коменданта Кремля — матроса Малькова.

— Здравствуйте, — ответил Мальков, — только что-то я не припоминаю вас.

— Курсант Еремин! — звонко, по-молодому доложил генерал, точно и не бывало четырех почти десятилетий, отделяющих от времени, когда он был курсантом.

Все больше людей собиралось вокруг Малькова и Еремина. Они жали друг другу руки, обнимались. Многие не виделись с двадцатых годов. А вот сегодня все собрались, встретились у Спасских ворот Кремля. Участ-

ники первомайского субботника 1920 года пришли сюда в день рождения Ленина, чтобы снова побывать там, где они работали вместе с Ильичом. И оказалось, что ни одна подробность того дня не изгладилась в памяти, — все помнится. Такова была сила воздействия великого и простого человека, с которым они провели тот день, такова сила неугасающей любви к нему.

Вместе старые друзья вошли в Кремль через высокие ворота и долго бродили по памятным местам.

— Вот тут неподалеку и работали мы, — сказал кто-то из них, остановившись возле царь-колокола.

— Да, тут, помню, курсант Цветков предложил Владимиру Ильичу сфотографироваться за работой, но Ленин запротестовал решительно: «Мы сюда пришли работать не для показа». Все-таки наш клубный фотограф изловчился, сделал снимок, не привлекая внимания Ильича.

— А помните, как рассердился Ленин, когда мы стали его просить, чтобы он отдохнул. Мы, мол, бревна без него переносим, а у него есть дела поважнее. «Как поважнее? — говорит он. — Сегодня это самое важное».

Вновь и вновь вспоминался тот далекий и незабываемый день. Вспоминались мельчайшие подробности, связанные с Лениным, слова, сказанные им. Никогда люди не забывали этих слов, и, если они теперь могут с гордостью оглянуться на прошедшую жизнь, это потому, что образ Ленина всегда жил в их сердцах, и вело их ленинское слово.

ЧЕРЕЗ СИВАШ

Старики степенно вошли в хату и остановились на пороге.

— Здравствуйте, деды. Садитесь, прошу вас, — встретил их штабной командир.

Старики стали неторопливо рассаживаться на лавки.

— Красной Армии нужна ваша помощь, — сказал командир. — На Днепре мы крепко побили Врангеля. Теперь черный барон укрылся в Крыму, сидит за Турецким валом. Надо его и оттуда выковырять. Пока не выбросим беляков со своей земли, не будет нам всем покоя.

— Не будет, то верно, — согласно кивали седыми головами старики.

— Значит, нужна нам дорога в Крым. Через Сиваш пойдем. Должны же быть броды, и кому их знать, как не вам? Советское командование просит вас, старейшие строгановские селяне, провести войска через Гнилое море.

Старейшие селяне сидели в раздумье. Неверное, обманное это Гнилое море. Шутка ли — целому войску идти через него?

Старики раздумывали, а холодный ветер с Сиваша гнул кусты за окошком и шумел в прибрежном камыше. Черно-серый Сиваш был рядом; он лежал перед Строгановкой, похожий на огромную асфальтовую площадь, — 9 километров до другой стороны. Как эти километры пройти?

Стоит лишь взглянуть на карту Крыма, чтобы стало ясно — насколько важен был этот вопрос для Красной Армии в ноябре 1920 года. Крымский полуостров соединяется с материком всего в трех пунктах. Это Перекопский и Чангарский перешейки да Арабатская стрелка. Но Арабатская стрелка, тянувшаяся 110 километров, и Чангар — в сущности просто ниточки. Местами их ширина измеряется сотнями метров. Где же там развернуться войскам?

Оставался Перекоп. Его ширина тоже очень невелика — всего 8 километров. К тому же Перекоп перерезан старинным Турецким валом. Перед валом проходил широкий и глубокий ров. От дна этого рва Турецкий вал поднимался на 20 метров почти отвесной стеной, выложенной камнем и кирпичами.

Вал бы сооружен в далекие, древние времена турецкого владычества в Крыму. Руками тысяч пленных захватчики перекопали весь перешеек от моря до моря, потому он и стал называться Перекопом. Даже через сотни лет этот вал оставался грозной преградой для армий, наступающих на Крым. А белогвардейцы всячески усиливали эту преграду.

Все пункты, соединяющие Крым с материком, Врангель укрепил, используя мощные технические средства, и сильнее всего был укреплен Перекоп. Бетонные

огневые точки и орудийные позиции, ряды траншей и проволочные заграждения во много рядов, — чего только не было на Перекопе!

Белогвардейские и французские военные инженеры, руководившие постройкой укреплений, сделали все возможное, чтобы крымские перешейки стали неприступными.

Командующий южным фронтом Красной Армии Михаил Васильевич Фрунзе знал это. Потому он и задумал одновременно со штурмом Перекопа ударить в тыл Турецкого вала, перебросив войска через Гнилое море — Сиваш.

Расчет был на то, что Сиваш неглубок, 1—2 метра до дна, а местами и того меньше. При благоприятном западном ветре уровень воды понижался. Но вода эта была густо насыщена едкими солями, а под ней лежало вязкое, топкое дно. Можно ли пройти через Гнилое море, да еще в сильный мороз, доходивший в те дни до 10—15 градусов? Белогвардейское командование считало это невозможным.

— Надо найти путь, — сказал Фрунзе.

И вот в хатенке прибрежного села красный командир расспрашивает строгановских стариков об этом пути.

— Что ж, це дило, — говорит, поднявшись с лавки, дед Оленчук, строгановский столяр. — Никогда из покон века не бывало такого, чтобы войско через Сиваш ходило. Никто не ходил — ни турок, ни белый царь, ни черный барон. Красная Армия, значит, первая пройдет. Я на Гнилом море вырос, с малолетства знаю его. Проведу красное войско.

— Возьмите и меня проводником. Сгожусь советской власти, — вызвался пастух Ткаченко.

— Верно, сгодятся, — закивали головами деды. — Лучше Оленчука да Ткаченка никто Сиваша не знает.

В ночь на 6 ноября Оленчук и Ткаченко повели на Сиваш саперов. Западный ветер гнал над головами рваные облака и мелко рябил тяжелую ледяную воду Гнилого моря. Было совсем темно, и все же старики шли уверенно, по им одним известным приметам выбирая дорогу. Через каждые сто шагов саперы втыкали в дно вешки. Люди с трудом вытягивали ноги из вязкой соленой грязи, зачерпывали воду сапогами и все-таки перешли через Сиваш. К утру 7 ноября 1920 года путь был проложен. За ночь его не только отметили вехами, но и улучшили, набросав в самых топких, труднопроходимых местах связки соломы, сучья, доски.

Утро 7 ноября было холодным. Густой иней лег белым мхом на голой земле. Над Гнилым морем — Сивашем — клубился туман, закрывая побережье непроходимой пеленой. Бойцы грелись у костров. Далеко разносились лихие звуки баянов, громкие песни. Красноармейцы праздновали третью годовщину Октября.

— Гуляют красные, — доносили врангелевские разведчики своим генералам.

Но главного они не заметили — того, что одновременно с празднованием шла напряженная подготовка к переправе через Сиваш. Лучшие бойцы, выделенные в штурмовые отряды, чистили пулеметы, проверяли ножицы для резки проволоки, винтовки, гранаты.

За два часа до полуночи в полной темноте штурмовые отряды двинулись к Сивашу. За ними следовали полки. Тихо, беззвучно спускались они к воде и сразу исчезали из глаз, поглощенные густым туманом.

Четыре часа шли красные части по дну Сиваша, вслед за строгановскими дедами. Шли, не видя перед собой ничего, с молчаливой яростью преодолевая коварное Гнилое море. Вязли лошади, пушки застревали в трясине, и люди вытаскивали их на руках. То там, то здесь

слышался глухой крик, — кто-то отошел от брода, и его поглотила черная густая вода.

Зато появление красных на другом берегу Сиваша было ошеломляющей неожиданностью для врага.

— Красные из моря лезут, — пронесся панический слух во врангелевских частях. Они сперва даже не пытались помешать переправе. К тому времени, когда белое командование опомнилось, советские войска уже закрепились на берегу. Теперь грозные позиции Турецкого вала можно было атаковать уже с двух сторон. Но все равно задача оставалась невероятно трудной. Первые попытки штурма были отбиты с тяжелыми потерями.

Целый день кипели жестокие бои. К ночи белым удалось потеснить части, переправившиеся через Сиваш.

Между тем ветер на море переменился. Он уже не сгонял, а поднимал воду, заливая броды, угрожая отрезать войска, действовавшие на Крымском берегу.

Против Турецкого вала была развернута одна из лучших дивизий Красной Армии — 51-я дивизия, которой командовал Василий Константинович Блюхер — первый советский орденосец. В полночь Блюхера вызвал к аппарату Фрунзе. В нескольких фразах он объяснил ему положение.

«Приказываю во что бы то ни стало захватить вал», — прочел Блюхер на ленте.

— Приступаю к выполнению, — кратко ответил он.

Но для успеха штурма нужна была надежная связь с частями, переправившимися через Сиваш, а поднявшаяся вода ее оборвала.

— Что будете делать? — спросил Блюхер командира роты связи Гулина.

Что делать? Пустить провод по морской воде нельзя. Надо бы поднять его на шестах, но где взять шесты, их нет.

— Разрешите ответить через пять минут, — сказал Блюхеру Гулин. — Хочу посоветоваться с бойцами.

И через пять минут он доложил:

— Выход один — протянуть через Сиваш живую цепь.

— Ничего другого сделать нельзя? — спросил Блюхер.

— К сожалению, нет, — ответил Гулин.

— Тогда действуйте, — приказал Блюхер.

Спустя несколько минут рота связистов бросилась бегом к Сивашу. Они разматывали черную нитку провода с железных катушек и тянули ее над водой. Через каждую сотню шагов один из связистов останавливался, как веха, держа провод в руке. Так они образовали живую цепь через все Гнилое море.

Вода в Сиваше поднималась, едкая ледяная вода. Она доходила уже связистам до колен, до пояса, иных закрыла по грудь. Но люди не сходили с места, они лишь поднимали выше руки, державшие провод.

Никто из них не мог знать, какие вести, какие приказы шли по черной нитке, которую они держали в руках. Они только слышали грохот боя, кипевшего на Перекопе. А бой достиг там неслыханного ожесточения. Дивизия Блюхера рвалась на вал под ураганным огнем. Бойцы лезли на вал по телам погибших товарищей, ложились на колючую проволоку, чтобы по ним могли пройти другие. С такой же яростью кидались на врага дивизии, переправившиеся через Сиваш.

А связисты все стояли в ледяной воде Гнилого моря, и кабель, поддерживаемый ими, действовал безотказно. Так они простояли четыре часа. Только к утру 9 ноября живая цепь была снята. Она выполнила свою роль и стала ненужной. Красные части овладели Перекопом.

Через несколько дней Врангель был выброшен из Крыма, опрокинут в Черное море. Это была замечательная победа, одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии, как сказал Ленин. Много храбрецов прокладывало этой победе путь, и среди них: связисты, ставшие живой цепью через Гнилое море, бойцы, переправлявшиеся через него вброд, и строгановские деды, которые провели бойцов.

НА ЛЬДУ ЗАЛИВА

— Вставайте, товарищи! Важное дело.

Громкий голос разбудил Николая Потапова. Он скинул шинель, закрывавшую его с головой, и, резко поднявшись, сел на койке.

— Тревога?—спросил Николай, но тут же вспомнил, что он не на фронте, а в Москве, в комнате общежития Дома Советов.

С других коек тоже поднимались разбуженные люди. Все они были хорошо знакомы Николаю. Вместе с ними он и приехал в столицу, вместе с ними участвовал в Десятом съезде партии, слушал Ленина, обсуждал важнейшие вопросы жизни страны. Боевая обстановка, в которой он жил четвертый год, как-то отодвинулась за эти дни, но голос человека, стоявшего в дверях комнаты, сразу заставил снова почувствовать ее.

— Я сейчас из Кремля, — говорил вошедший. — Было совещание старейшин всех делегаций. Ленин предложил нам послать часть делегатов в Питер, на подавление Кронштадтского мятежа.

Кронштадт. . . Мысль о нем все это время беспокоила, точно заноза, засевшая в самом сердце.

С первых дней революции Кронштадт был верной опорой советской власти, дал ей неисчислимое множество неустрашимых, стойких бойцов. Но за годы гражданской войны почти все старые матросы ушли сражаться на фронт. Их место в балтийской крепости занял сборный, сырой народ. Оказались тут сыновья деревенских богачей, а среди них пролезли в крепость и белогвардейцы. Они-то и подняли в марте 1921 года мятеж, захватили Кронштадт.

Уже дули с Балтики теплые весенние ветры, обещая скорое очищение Финского залива от льда, а в ближних портах иностранных держав скапливались военные корабли. Они готовились к походу в Кронштадт, чтобы поддержать мятежников, обосноваться в крепости, расположенной на острове Котлин и запирающей морской путь в Петроград.

Медлить было нельзя. Потому Владимир Ильич и предложил такую необычную меру — послать цвет партии, делегатов съезда, в войска, которые будут наступать на Кронштадт. Наступление ведь предстояло тоже необыкновенное — надо было идти по ненадежному в эту весеннюю пору гладкому, как стол, льду на укрепления могучей крепости.

Все это люди, наполнявшие комнату Дома Советов поняли сразу. Каждый требовал, чтобы его обязательно внесли в список. Старейшина делегации даже растерялся.

— Не все вместе, товарищи. Если каждую просьбу уважить, никого и на съезде не останется, а съезд ведь должен продолжать работу. Давайте обсудим, отберем.

Николай Потапов волновался больше всех.

— Как хотите, а я непременно должен ехать. Я са-

мый молодой в делегации — это раз. Я военный, комиссар полка — это два. А самое главное, я же питерский, кронштадтский. Я все там как свои пять пальцев знаю.

На следующий день триста делегатов съезда наполнили вагоны специального поезда, стоявшего у платформы Николаевского вокзала в Москве. (Теперь этот вокзал зовется Ленинградским). Старший группы — Климент Ефремович Ворошилов — произвел проверку. Все оказались на месте. Паровоз низко затрубил и потянул состав.

Николай Потапов стоял у окна, сдвинув назад буденновку — серый суконный шлем с большой красной звездой над лбом. Завтра утром он снова увидит Петроград, родной свой город, который он очень любил и где не был два года. Как-то он выглядит сейчас?

Но в этот раз ходить по городу совсем не пришлось. Потапова сразу назначили в южную группу, комиссаром которой стал Ворошилов. Николай заторопился в часть.

Вечером Потапов сидел на лесной поляне у костра среди красноармейцев. Только что окончился митинг, на котором он передал бойцам ленинское напутствие — быстрее вернуть Кронштадт советской стране.

— Взять-то Кронштадт обязательно надо. Это мы хорошо понимаем, товарищ комиссар, — говорил молодой красноармеец, перевязывая обмотки. — Да вот непривычно воевать на льду. А если они лед разобьют? У них же, говорят, пушек огромная сила. И еще мины и всякое такое. Взорвут лед — куда нам деваться? Выходит одна дорога — на дно?

— Это ты белогвардейских басен наслушался, — сказал Потапов. — Весь лед разбить у них никогда сил не хватит. А слушок распускают, чтобы нас с тобой напугать. Так мы ведь не робкого десятка, не побоимся.

— Ты из каких мест? — спросил Николай, взгляды-

ваясь в освещенное колеблющимся светом костра, широкое, простодушное лицо парня. — Рязанский? А я здешний, кронштадтский. Знаю, как тут ходить. Вот ты меня и держись. Потом и Кронштадт тебе покажу. Там есть что поглядеть.

Потапов поднял глаза и посмотрел на бойцов. Они окружили костер тесным кольцом, внимательно прислушиваясь к разговору.

— Думаешь, на льду снаряд страшнее, чем на земле? Ничуть не бывало. Ну, ударит в лед, пробьет его, в воду уйдет. Нам и лучше. Пускай рвется в воде, — меньше будет вреда.

Долго говорил Николай с бойцами, внушая им веру в успех предстоящего дела.

На лед залива полки вышли ночью. Весь день перед тем артиллерия била по Кронштадту; гул пушек стоял в воздухе и сейчас. В этом гуле движение пехоты было совсем неслышным. Бойцы в белых маскировочных халатах шли по льду цепями. Многие несли доски, жерди, связки веревок — на случай, если надо будет преодолевать полыньи.

Над льдом стелился густой туман. Было трудно ориентироваться в этой молочной мгле. Но туман и помогал наступающим, делая их невидимыми для врага.

Главная масса войск наступала со стороны Ораниенбаума (теперь Ломоносова). Здесь расстояние от берега до Кронштадта самое короткое — несколько километров. Вначале шли спокойно, потом враг, видимо, узнал о движении красных и открыл сильный огонь. Тяжелые снаряды, протяжно воя, ударяли в лед и выбрасывали гигантские, освещенные багровым светом, фонтаны воды. Вслед за артиллерией ударили пулеметы. Вспыхнули крепостные прожекторы и, прорывая туман своими слепящими лучами, стали шарить по льду.

— Вперед! Бегом! — громко и властно прозвучала команда. — Выходи из огня вперед!

Николай Потапов увидел совсем недалеко от себя Ворошилова. Климент Ефремович бежал в цепи с карабином в руках.

— Вперед, товарищи! — подхватил Николай. — Не отставай, ребята!

Мокрые, задыхающиеся от быстрого бега, они выскочили на берег и сразу же залегли. Из окон длинного каменного здания, надсаживаясь, били пулеметы. Сбоку, ухая, стреляло тяжелое орудие. Тени каких-то людей мелькнули перед залегшей цепью и скрылись в стороне сараев, откуда стреляло орудие. Через несколько минут орудие мятежников замолкло, а потом Николай увидел, что его выкатывают из сарая, поворачивая против дома, из которого строчили пулеметы. И вот пушка уже бьет по белым — методически, точно. Тяжелые снаряды крушат огневые точки врага.

— Вот это стрельба! — восхищенно сказал кто-то из бойцов.

Николай взгляделся в высокого человека в черной бурке, стрелявшего из пушки. Что-то очень знакомое было в нем. Да это же Ян Фабрициус — славный командир, под начальством которого Николай дрался в первом бою под Нарвой!

— В атаку, пошли! — закричал Николай, вскакивая с земли. Он бросился к каменному дому, и бойцы побежали за ним.

... Через несколько дней делегаты съезда возвращались в Москву. Теперь их было не триста, а меньше. Часть полегла на льду и на кронштадтских мостовых. Но они выполнили задание партии. Кронштадт был освобожден от мятежников, и те, кто возвращались, — возвращались с победой.

О том, как высоко ценят эту победу партия и советская власть, делегатам сказал Ленин. Он долго беседовал с ними и от лица всей партии поблагодарил.

Потом участники штурма вместе с Лениным вышли на кремлевский двор, чтобы сфотографироваться. В центре группы стоял Владимир Ильич, позади него — Ворошилов. Каждому хотелось быть поближе к Ильичу. Одному молодому делегату, с рукой на перевязи и двумя орденами Красного Знамени на шинели, повезло. Ленин заметил его и пригласил встать рядом. Коля Потапов на мгновение позавидовал и даже пожалел, что тоже не ранен. Орден-то был и у Николая. . . Ну, да какая разница, кто где стоит? Все равно и Коля снялся вместе с Ильичом в числе героев кронштадтского штурма и увез фотографию с собой из Москвы, чтобы с гордостью хранить ее всю свою жизнь.

ТЫСЯЧА КИЛОМЕТРОВ НА ЛЫЖАХ

Когда состав отходил от перрона Московского вокзала в Петрограде, курсанты еще не знали, куда они едут. Но все были возбуждены.

— Шикарно везут нас, — говорили в вагонах. — Лучшие вагоны дали, и паровоз царский!

К составу в самом деле был прицеплен паровоз, принадлежавший раньше царю Николаю II. На груди машины остались следы николаевских вензелей.

Вся экспедиция готовилась в глубокой тайне. Только встав на лыжи и пройдя уже не один десяток километров, курсанты знаменитой интернациональной военной школы узнали, какой необыкновенный поход им предстоит совершить. Тогда они поняли, почему командир отряда Тойво Антикайнен так придирчиво отбирал личный состав, оставляя лишь самых сильных и выносливых, отличных лыжников-спортсменов.

136 человек повел за собой Антикайнен. Это был редкой храбрости и выдержки человек, боевой красный командир-коммунист, участник революции в Финляндии.

И спутников он подобрал себе под стать. Они были не только закаленными спортсменами, но и боевыми, до конца преданными революции людьми, с честью выдержавшими испытания многих сражений гражданской войны.

Время было трудное. Советская страна была измучена, разорена многими годами войны с Германией, с захватчиками-интервентами четырнадцати стран и белогвардейцами. Этим воспользовались финские белогвардейцы. Они заняли большие пространства советской Карелии. Надо было выгнать их вон, но белофинны уклонялись от прямых боев, а настичь их и принудить к бою часто не удавалось. Они быстро передвигались с места на место лыжными группами, пользуясь бездорожьем сурового, редко населенного края, где не могли пройти крупные части с пехотой и конями.

Отряд Тойво Антикайнена должен был нанести смертельный удар захватчикам, уничтожить их штаб и основные силы, стоявшие в поселке Кимас-озеро. Но до поселка предстоял дальний путь, сотни километров по вражеским тылам.

Лыжный рейд был рассчитан на недели, но отряд Антикайнена шел без обоза. Все необходимое курсанты несли на своих плечах. Снаряжения и боеприпасов на каждого приходилось по 35 килограммов, да еще продукты. . . С такой выкладкой лыжники проходили по 70 километров в день.

Зима была студеная, в лесу от мороза трещали деревья, точно кто-то постреливал из ружей, а над отрядом разгоряченных быстрым бегом лыжников стояло облако пара.

На пути лыжников попадались финские гарнизоны, но так быстро, так скрытно шел отряд, что нигде враг не проведал о его приближении. Каждый раз Антикайнен

захватывал врагов не успевшими приготовиться к бою. Обычно схватка оканчивалась раньше, чем белые понимали, кто же на них напал. Они узнавали об этом уже взятые в плен, и некому было сообщить в штаб о произошедшей схватке.

Уже совсем близко от Кимас-озера навстречу курсантам попался отряд белофиннов. Финны решили, что к ним идет подмога. Курсанты были в белых маскировочных халатах, глубокие капюшоны закрывали красные звезды на шлемах.

— Чей отряд? — поинтересовались встречные.

— Мой отряд, — ответил на финском языке Тойво Антикайнен. — Я капитан Риутта.

— Ах, сам капитан Риутта! — с почтением воскликнул командир белых. В Кимас-озере ждали приезда капитана из Хельсинки. Антикайнен это знал от пленных. — Здравия желаю!

— Руки вверх! — скомандовал красный командир.

— Мы же свои, вы ошиблись, — залопотали белогвардейцы. Они растерянно оглядывались, но кругом видели наведенные на них винтовки.

Двадцать человек были взяты в плен без выстрела. Их следовало отправить в тыл. С кем только отправить? Предстоял решающий бой. Каждый курсант на счету.

Антикайнен выделил для конвоя двух курсантов, которые были физически послабее.

— Справитесь вдвоем, — сказал он. — Винтовки пленные понесут сами, вы возьмите у них только затворы. Оставить этим молодчикам по одной лыжной палке и срезать все пуговицы, все тесемки на их одежде. Так они не убегут.

Через несколько минут белофинны уже уныло брели под конвоем. В одной руке у каждого была палка, другой он поддерживал штаны.

А отряд Антикайнена делал последний бросок. Он появился у Кимас-озера так же неожиданно, как появлялся всюду, разгромил штаб белофиннов, взял трофеи и десятки пленных, не потеряв ни одного курсанта.

Так окончился этот рейд. Вернувшись к своим, Тойво Антикайнен подсчитал — сколько же прошли лыжники по вражеским тылам? Оказалось, что 1100 километров.

И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Волочаевку называют дальневосточным Перекопом. Говорится это не для красного словца. Как Перекоп заперал дорогу нашей армии в Крым, так Волочаевка преграждала путь в Приморье, к Тихому океану. Как и на Перекопе, наши войска штурмовали здесь необыкновенно сильно укрепленные позиции врага, и действовать приходилось им в самых тяжелых условиях. И еще то напоминало о перекопской победе, что красными войсками командовал под Волочаевкой Василий Константинович Блюхер, чья дивизия брала Турецкий вал.

Шел уже 1922 год, пятый год после Октября. Красная Армия очистила от врагов почти всю советскую землю. Многие из тех, кто сражался против иностранных захватчиков, против белых генералов — Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, — вернулся на свои заводы и в деревни. В стране налаживалась мирная жизнь. Но Дальний Восток все еще оставался в руках врага.

Несколько лет хозяйничали на советском Дальнем Востоке незваные гости — японские войска. Они опекали стекавшие сюда остатки разбитых белых армий. С их помощью белогвардейцы оперились, собирали силы. Белые уже мечтали о новом походе на Москву. Только походу этому не суждено было состояться. Враги не удержались и на Дальнем Востоке. Красная Армия разбила замок, которым они заперли путь к Тихому океану. А замком этим были волочаевские укрепления.

В один из дней конца января в самом просторном доме деревни Волочаевка генерал Молчанов — командующий белой армией — беседовал с полковником Аргуновым. В комнате было очень жарко, но генерал сидел у самой печи. Он недавно вернулся после осмотра укрепленных позиций, провел несколько часов на сорокаградусном морозе и теперь никак не мог согреться.

— Не хотел бы я наступать в такую стужу, — проговорил генерал.

— Полагаю, что и Блюхер не захочет, — ответил полковник Аргунов.

— А если решится все-таки?

— Это было бы к лучшему. Разве они смогут чего-нибудь добиться? Только голову сломают. Вы видели наши позиции своими глазами, — полковник Аргунов — командующий частями белых в районе Волочаевки — сказал это с гордостью.

Место для оборонительных позиций было выбрано безусловно умело. Волочаевка лежала за сопками, хорошо укрывавшими ее. А на склонах сопки, вокруг всей деревни полковник Аргунов построил сеть сплошных проволочных заграждений.

Из Хабаровска в Волочаевку по требованию Аргунова прислали несколько эшелонов колючей проволоки.

Полковник использовал ее всю. Проволоку натягивали на колья ряд за рядом, перекрещивали, крепили к промерзшей земле. Проволокой оплели и деревья на опушке леса, и кустарники, росшие на склонах сопок и в болоте.

Земля, ошетилившаяся колючим железом, казалась шкурой гигантского ежа.

За проволокой Аргунов расположил ряды траншей и мощные огневые точки. Крутые склоны сопок на подступах к траншеям полили водой, и они оделись льдом, как броней.

— Что же, позиции выглядят действительно неприступными, — сказал генерал Молчанов. — Я убежден, что мы можем нанести здесь противнику такое поражение, от которого он долго не придет в себя. Нам нужна победа; это теперь вопрос самого нашего существования. А тут есть все для того, чтобы победить.

В это же самое время в пятидесяти километрах от Волочаевки, на станции Ин по приказу советского командующего Блюхера выстраивались красные полки. Несмотря на лютую стужу, бойцы были подтянуты, вид у них был праздничный. Над шеренгами подняли плакаты: «Вперед за освобождение Приморья!», «Привал — на Имане, отдых во Владивостоке!» И хотя до Имана было добрых четыре сотни километров, до Владивостока — вдвое дальше того, лозунги никому не казались слишком смелыми. Они выражали стремление, владевшее всей массой бойцов. Люди не хотели отдыха, пока их родная земля не очищена от врага.

— Уверен, что никакие преграды не остановят вас. Славные красные орлы пойдут вперед дорогой побед, — сказал на митинге Василий Блюхер.

Ответом было дружное «ура». Бойцы клялись, что не пожалеют жизни в борьбе.

В начале февраля началось наступление, о котором поется в песне:

«И останутся, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни».

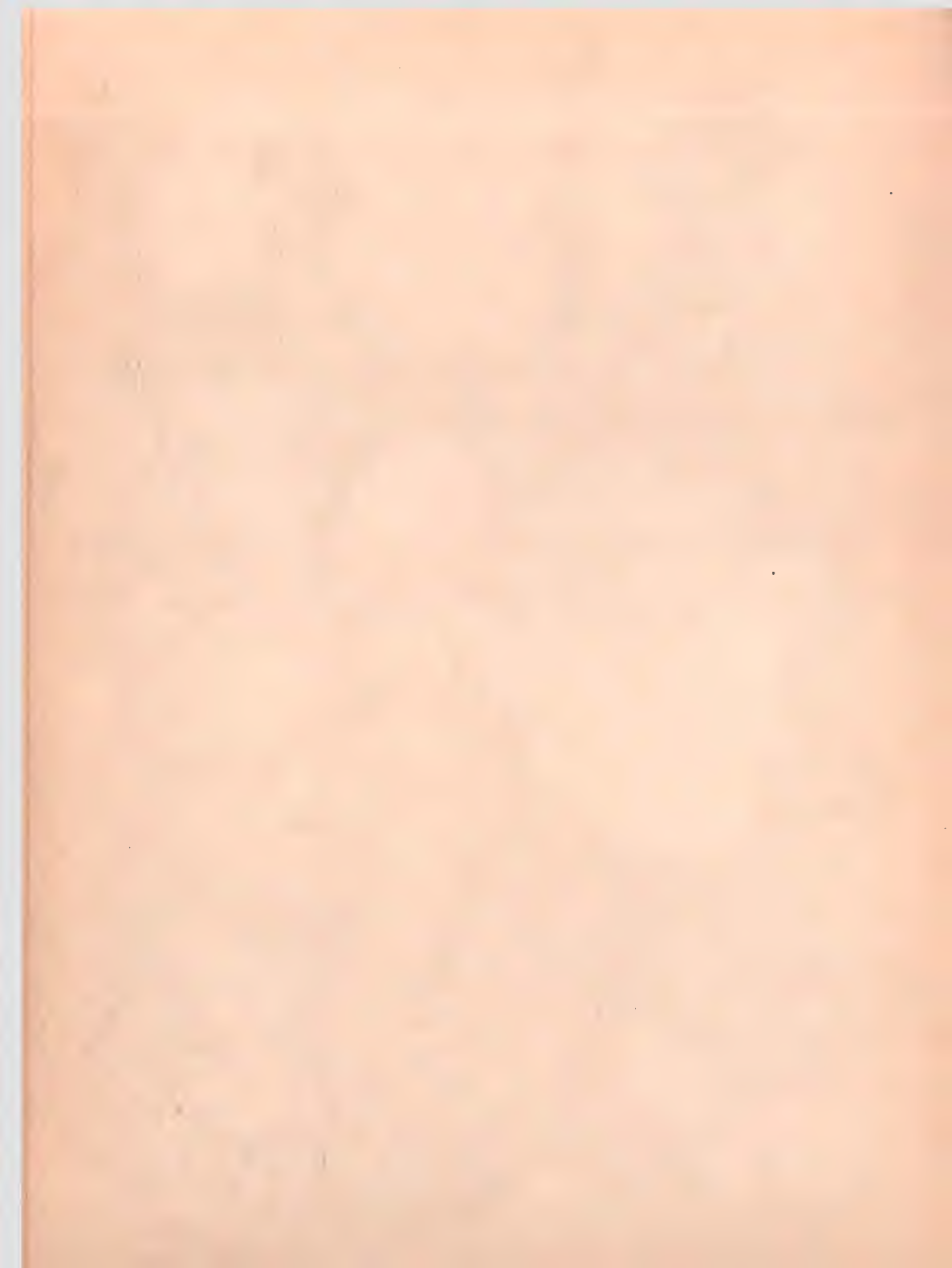
Суров Приамурский край. Зима там лютует не день, не два. Когда полки уходили из Ина к Волочаевке, стояла все та же стужа. Утрами поднималось из-за леса большое негреющее солнце. Снежная равнина, залитая его светом, слепила белизной глаза, а воздух, стоявший почти недвижно, обжигал морозом.

Холод был первым врагом, напавшим на бойцов сразу, как они вышли в поход. Полки состояли из закаленных людей, — многие уже несколько лет воевали в приамурской тайге; но мороз в 40—45 градусов — жестокое испытание даже для самого закаленного человека. Теплого обмундирования не хватало. Иные шли в худых сапогах, в тонких шинелях, даже зимние шапки были не у всех. Неудивительно, что бойцы в колоннах, двигавшихся по железнодорожной насыпи через снежную равнину, приняли странный вид. Один завязал полотенцем уши, другой набросил на себя одеяло, третий обмотал ноги соломой. . .

И все-таки мороз выводил людей из строя. Теплая одежда стала для них сейчас дороже и желаннее всех благ. Молодой командир одной из пулеметных рот был счастливым обладателем оленьих унт — трофея, захваченного у врага.

— Если меня убьют, — говорил он бойцам на привале, — не забудьте взять унты. Пусть их наденет самый хороший пулеметчик, показавший себя в бою. В этих унтах он сможет еще крепче колотить белых.

Три дня двигались красные части. Одни шли прямо по железной дороге, другие в обход — по берегу Амура, по снежной целине. И на всем этом пути они не встречали селений, усадеб, где можно было бы хоть по очереди обогреться. Все время на морозе, под ясным холодным небом.

Поздним вечером 10 февраля Волочаевка была окружена. Бойцы лежали в снежных сугробах, среди редких, хилых березок на промерзшем болоте. Равнина, голубая в лунном свете, казалась совсем пустынной. Было очень тихо, только деревья потрескивали от мороза.

И вдруг сразу тишину сменили громкие крики, грохот залпов и орудийной пальбы.

Первой кинулась в атаку корейская рота. Ей не удалось прорваться через заграждения, но и назад почти никто не вернулся. Бойцы остались висеть на проволоочном заборе.

А вслед за первой волной атакующих уже поднялась и хлынула на заграждения вторая волна. У бойцов не было ножиц; они отковыривали проволоку штыками, рубили шашками, приминали собственными телами к земле. И падали, висли на проволоке, срезанные губительным огнем.

Один ряд проволоки уничтожен, сорван с кольев, завален телами, но за ним еще много рядов. . .

Две ночи и день продолжался этот страшный бой. Волны атакующих вскипали на заграждениях, ослабев, откатывались и снова вскипали. Грохот боя не смолкал. Земля, окаменевшая от мороза, вздрагивала и гудела под ударами снарядов. Яростное «ура» и стоны раненых тонули в пулеметном треске.

Огонь и мороз, соединившись, косили людей. Самое легкое ранение становилось часто смертельным. Кровь намерзала на ранах, повязки превращались в ледяные

тиски. Раненные замерзали. Все старания товарищей не могли этому помешать.

И все-таки боевой порыв атакующих не ослабевал. Наоборот, уставшие, обмороженные, не спавшие несколько ночей люди со все возраставшей яростью рвались вперед. После каждой атаки что-то оказывалось подавленным, смятым, сокрушенным в обороне врага.

Наконец утром 12 февраля красные полки поднялись в последний штурм. Они прорвали вражеские укрепления на всю глубину, и белогвардейцы побежали из Волочаевки, бросая пушки, винтовки, припасы.

Уже далеко от Волочаевки, за Хабаровском, встретились командующий белой армией Молчанов и полковник Аргунов.

— Что же вы теперь скажете, полковник? — спросил Молчанов. — Вы ведь утверждали, что красные под Волочаевкой ничего не добьются, что взять ее невозможно.

— Я и сейчас считаю, что это было невозможно. Но они совершили невозможное, надо признать. Я ненавижу этих людей, эту чуждую мне толпу — народ. Их победа — наша гибель. Они станут хозяевами всего лучшего в жизни, что принадлежало нам. Такое простить нельзя. Но все-таки я вижу, что там, под Волочаевкой, красные дрались, как герои. Каждый из участников штурма заслуживает георгиевского креста. . .

А красные войска продолжали победоносное наступление. Еще много было боев. У Спасска дрались особенно ожесточенно, под стать Волочаевке. И все-таки путь был пройден до конца.

25 октября 1922 года Красная Армия вступила во Владивосток. Радостная, ликующая толпа хлынула на встречу советским воинам — с красными флагами, с пес-

нями и цветами. Трудовой Владивосток праздновал свое освобождение, полное освобождение всей советской земли. Иноземные захватчики и последние белогвардейцы были выметены с нее.

Безбрежный, сверкающий на солнце Тихий океан открылся взгляду победителей с высот Владивостока. Вот и пришел, наконец, великий, долгожданный час:

«Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход».

112533

В. С. Смирнов

СОДЕРЖАНИЕ

Приехал Ленин. Рис. Ю. Непринцева	3
На Зимний дворец. Рис. С. Спицына	10
Красная Армия. Рис. Н. Лямина	20
Ночь в станице Платовской	28
«Князь Чавчавадзе»	32
Письмо Ильичу	36
Форт Александровский. Рис. Ю. Непринцева	40
Чапай. Рис. Н. Лямина	50
На Уфу! Рис. Ю. Непринцева	57
В Сибирской тайге. Рис. Ю. Непринцева	65
Ремонт «Черноморца». Рис. С. Спицына	70
Барская квартира. Рис. Н. Лямина	74
Конники и самолет. Рис. Н. Лямина	83
Красный Дундич. Рис. Н. Лямина	88
Николай Островский. Рис. Ю. Непринцева	93
Двадцать вагонов хлеба. Рис. С. Спицына	103
Субботник в Кремле. Рис. Ю. Непринцева	111
Через Сиваш. Рис. С. Спицына	118
На льду залива. Рис. С. Спицына	127
Тысяча километров на лыжах. Рис. С. Спицына	135
И на Тихом океане свой закончили поход. Рис. Н. Лямина	141

Дорогие читатели!

Присылайте ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

*Пишите по адресу: Ленинград, наб. Ку-
тузова, 6. Дом детской книги Детгиза.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА

*Герман Юрий Павлович
Фарфель Семен Самойлович
„Этих дней не смолкнет слава“*

Ответственный редактор
Л. А. Джалалбекова.
Художник-редактор
Ю. Н. Киселев.
Технич. редактор
З. П. Коренюк.

Корректоры

А. К. Петрова и Л. К. Маляво.

Подписано к набору 9/IX 1957 г.

Подписано к печати 30/XI 1957 г.

Формат 72×92¹/₁₆. Печ. л. 9¹/₂. Усл.
п. л. 11,08. Уч.-изд. л. 6,42. Тираж
200 000 (1—100 000) экз. М-37665.

Ленинградское отделение Детгиза.

Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Заказ № 749.

Набор и переплетные работы вы-
полнены 2-й фабрикой детской
книги Детгиза Министерства про-
свещения РСФСР. Ленинград, 2-я
Советская, 7. Цена 7 р.

Отпечатано на 1-й ф-ке офсетной
печати ЛСНХ. Ленинград,
Кронверкская, 9.

